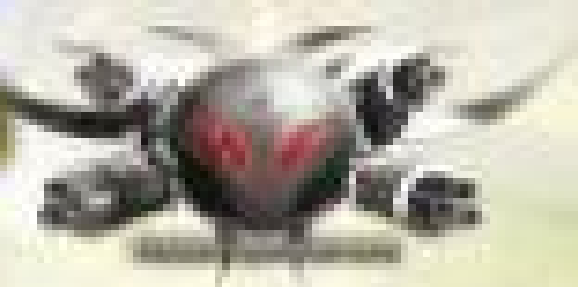

ОЛЕГ ФИЛИМОНОВ

ШЕВЕЛИТСЯ - СТРЕЛЯМ!
ЗЕЛЕНОЕ - РЫБИ!

Сид — кривое зеркало Земли. Мир, где сохранились туры, саблезубые тигры и пещерные медведи. Здесь уцелели драконы, магия и вымершие на Земле расы. Этим миром правят недружелюбные боги.

Сначала — надо просто выжить, не имея даже одежды, потом — отыскать дорогу к людям...

Как это сделать, если за тобой идет настоящая охота, и даже боги — твои враги, а на пути ждут схватки с хищниками, представителями враждебных рас и небольшая война?! Но надо справиться, ведь ты — специалист по выживанию!

Предисловие автора

Изначально этот роман задумывался чуть ли не как пособие по выживанию, написанное в доступной, легкоусвояемой форме и стилизованное под фантастику. И призвано было это произведение дать конкретное представление о том, что и как нужно делать, попади вы в беду. Проведя часть жизни в экспедициях, основная масса которых пришлась на 90-е годы, поневоле станешь специалистом в подобных вопросах (выживания, в смысле).

Но потом все пошло наперекосяк... Поместив героя в мир с палеолитической фауной, я быстро понял: обыкновенному человеку там делать нечего — просто не выжить! А если он случайно и уцелеет, то будет обречен влачить жалкое существование. Пришлось срочно наращивать герою мускулы и всячески его накручивать (не выходя, однако, за рамки человеческих возможностей). В результате герой получился гремучей помесью Тарзана, Робинзона и Сайреса Смита, мощностью в три Шварценеггера.

Но тут я угодил в другую крайность: большинство хитростей, предназначенных помочь человеку уцелеть в экстремальной обстановке, оказались моему герою просто не нужны, разве что для комфорта! Пришлось выкручиваться, создавая персонажу достойные его проблемы. Придумывать, куда приложить немереную силищу героя. (Но все же хочу отметить, что большинство совершаемых героем подвигов человеку по силам: и медведей заламывали, и быкам шеи сворачивали... и самолеты зубами таскают.)

Дальше — больше... Подробное описание процесса выживания входило в противоречие с художественными достоинствами произведения. Пришлось выбирать...

Чтобы не получилось очередной «Борьбы за огонь», добавил фэнтезийного колорита. В результате пособие по выживанию превратилось в полноценный фантастический роман с саблезубыми тиграми, пещерными медведями, драконами, эльфами, гномами и прочей живностью. И пошло-поехало... И все это в ущерб подробному описанию изготовления необходимых робинзону вещей. В результате получилось совершенно не то, что предполагалось вначале. Но надеюсь, стало интереснее. Хотя об этом судить читателю...

Глава 1

Дьявол в аду — образ положительный.

С. Е. Леу

Глава 1

О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию — и вопрос темен, и людская жизнь коротка.

Родись я лет на сто раньше и следуй принятым тогда литературным канонам, эта повесть началась бы примерно так: с той поры прошло немало лет, но я до сих пор отчетливо помню те страшные дни в мельчайших подробностях...

Но, к сожалению, на дворе век двадцать первый, и большинство подобных историй начинается следующим образом: упал, потерял сознание, очнулся — гипс... или что-то в этом роде. И мне, пожалуй, придется соответствовать современным стандартам. Тем более что все примерно так и случилось...

Похоже, влип! Это нехитрое умозаключение посетило меня сразу после того, как вернулось сознание. Едва очнувшись и даже не успев осмотреться, я уже чувствовал изрядный дискомфорт. Неудивительно! Я лежал на голой земле, в спину впивались острые камни, а ног от холода так и вовсе уже не чувствовал.

Отложив на потом размышления о причинах подобного положения дел, я открыл глаза и резко сел, готовясь к решительным действиям в случае такой нужды. Предшествующий, прямо скажем, непростой жизненный опыт приучил меня сначала адекватно реагировать на непонятную ситуацию, а уж потом рефлексировать. Однако никого, с кем надо было немедленно биться или же от кого поспешно спасаться, поблизости не оказалось. И то ладно. Быстро оглядев доступные взору окрестности и убедившись, что в ближайшее время неприятности мне не грозят, я перешел к осмотру собственного тела.

Похоже, все на месте — удачно! Лишнего тоже ничего нет... даже одежды! Но это нормально, так и планировалось. Самочувствие вполне приличное, хотя ощущается легкое недомогание, слегка кружится голова и закладывает уши. От лежания на камнях побаливает спина: видимо, без сознания я пробыл не меньше получаса — а это уже непорядок, хорошо хоть не съели! Ноги же ломит оттого, что они до сих пор находятся в воде, но это дело поправимое. Отодвинувшись от воды, я встал и осмотрелся по сторонам... Мать!!! А вот этого в плане не было! Увиденное мне совершенно не понравилось. Определенно я попал не совсем туда, куда было задумано, — скорее, совершенно не туда. По крайней мере окружающий пейзаж ничуть не походил на тот, что я наблюдал в рамке контура перед переходом. Должна была быть лесная поляна, а тут...

Я находился на маленьком горном плато, километра три в длину и два в поперечнике, на каменистом берегу небольшой речки, наискось пересекающей плато и метрах в двадцати от меня обрывающейся в пропасть. С одной стороны плато ограничивал обрыв, с остальных — отвесные скалы, за которыми далеко ввысь поднимались увенчанные коронами ледников горы. Неровную, заросшую кустарником поверхность хаотично загромождали скатившиеся сверху обломки камней. Кое-где между ними скудно росли небольшие деревья: в основном кривые сосенки да можжевельник.

Подойдя к обрыву, я глянул вниз. Взгляду предстала зажатая со всех сторон горами, поросшая лесом долина с синим пятном озера почти точно в центре. Навскидку прикинуть размеры долины не получалось — явно не маленькая, очертания гор напротив меня терялись в дымке. Красота! Лепота! Едри ее в корень! Теперь по крайней мере понятны причины головокружения и прочих радостей — перепад давления. Итак, я в горах! На высоте порядка от полутора... до трех километров, точнее сказать сложно, все зависит от широты — на экваторе я или за полярным кругом. Хотя это крайности, судя по... общим впечатлениям, скорее, нечто среднее.

Автоматически разминая затекшие мышцы, я сделал несколько резких движений, а потом уселся на край обрыва и крепко задумался. По всему выходит, у меня большие неприятности! Начнем рассуждать по порядку. Прежде всего, оказался я не там, где рассчитывал. Неизвестно даже, то ли это место, куда меня собирались отправить?.. То есть теперь известно — место не то! А вот мир, интересно, хотя бы тот?.. Судить об этом пока рано, слишком мало набралось данных. Будем ждать...

Пойдем дальше. Во время перехода я потерял сознание. Не должно было этого случиться. По крайней мере с крысами, которых запускали в контур до меня, ничего подобного не происходило. Хотя кто его знает — может, с людьми при перемещении все обстоит по-другому. Материала для анализа нет, или я о нем ничего не знаю. Насколько мне известно, я прошел первым. Последнее, что я помню, — это кусочек другого мира, ограниченный рамкой перемещающего контура, и шаг в него. Дальше провал. Потом берег горной реки. Да-а... Все это, конечно, неприятно, но ни о чем не говорит.

И, наконец, главное! Где точка перехода?! Как выглядит контур с другой стороны, до сих пор никто, конечно, не знал. Но то, что оттуда, то есть для меня теперь отсюда, что-то определенно видно, было известно. Об этом недвусмысленно свидетельствовало поведение как лабораторных животных, так и местной фауны. Это «что-то» договорились условно называть проекцией контура, а в моем случае и точкой перехода. И вот этой самой точки, или, если хотите, проекции, поблизости не наблюдалось. И хотя перебросить кого-то сюда или, наоборот, забрать в ближайший месяц было нельзя, но в режиме наблюдения контур должен был работать постоянно, и я, соответственно, должен был его видеть! Но, черт возьми, не видел!

Что следовало из всего вышперечисленного? Все пошло вразнос, и я крепко влип. И не важно, наши ли умники что-то намудрили, произошел ли сбой по независящим ни от кого причинам или вмешалось еще что-то, итог один — полная задница! Ясно то, что из этого дерьма надо как-то выбираться! Ну что ж, значит, будем выкарабкиваться в меру сил и способностей. Силой я не обижен, ну а насчет способностей... В конце концов недаром же сюда отправили именно меня!

Для начала следовало выработать план действий. Таковой у меня, как ни странно, уже был. Хороший план на все случаи жизни.

Пункт первый. Выжить.

Пункт второй. Выбраться.

Пункт третий. Оторвать головы виновным.

Оставалось только подогнать его к местным реалиям и слегка детализировать.

Итак... Сидеть и тупо ждать, уповая, что контур все-таки себя проявит, явно не стоит. Тем более что открывался он всегда в одном и том же вполне определенном месте, и место это не здесь! Все же дадим им там... скажем, месяц. Если за это время ничего не изменится, то не изменится никогда. За месяц можно отгрохать новый контур, если этот, допустим, сторел... или что там могло с ним случиться. Пойдем дальше. Логично предположить, что если точка перехода где-то и существует, то именно там, где ей и следует быть. На поляне, у кромки дремучего первобытного леса, который я видел собственными глазами. И никаких гор!

Удивительно, сколько можно выудить информации, наблюдая чужой мир через небольшое окошко контура. Тем более что забросить туда любые приборы оказалось невозможно. Контур по неизвестным причинам пропускал только живую органику. Да и то:

до сегодняшнего дня на другой стороне побывали только животные не крупнее кролика. С билетом в один конец! Вечная слава! Институтские умники, обложившись аппаратурой, денно и нощно фиксировали, замеряли и исследовали все, что можно было исследовать на той стороне. Потом данные обрабатывались, и часть полученных результатов доводилась до меня, обычно как руководство к действию. Хотя информации набиралось и немало, но реально полезной было — кот заплакал, да и та в основном в виде неудобоваримых расчетов, графиков и диаграмм.

Все же кое-что о месте предполагаемой дислокации я знал. Состав атмосферы, продолжительность суток, размер планеты, климат, немного о фауне, чуть-чуть о флоре, ну и т. д., и т. п. Среди прочего, я был знаком с рисунком созвездий, наблюдаемым через контур ночью, и в случае нужды мог сориентироваться по звездам. Так что дождемся ночи, и, если она будет звездная и... Возможно, я смогу понять, куда попал. Глядишь, и определюсь, куда направляться потом. А там и будем разбираться, как дальше жить. Такие дела...

Пока же следует подумать о проблемах насущных. В любом случае на какое-то время я здесь застрял. А возможно, и очень надолго. Поэтому стоит озаботиться вопросами непосредственно выживания. И первым делом обзавестись каким-то оружием, после можно будет подумать и об остальном. Пропитанием я себя обеспечу в любом раскладе, а потом наступит черед одежды. Разгуливать без штанов, конечно, неприятно, но для меня не смертельно, тем более что погода довольно теплая. Для начала мне нужен нож, без сомнения, самый универсальный и многофункциональный инструмент, придуманный человечеством: имея его, можно сделать и все остальное. Оставьте меня с одним ножом на необитаемом острове — проживу, забросьте в джунгли — выберусь. Собственно, чем-то подобным я дома и занимался, потому, наверное, и оказался здесь... Вообще-то ножа можно и не давать. Сделаю! То есть собираюсь сделать прямо сейчас.

Пружинисто поднявшись с камня, я подошел к речке и спрыгнул в воду. Речка была неглубокой, а перепад высот на плато небольшой, поэтому и течение несильное, такое с ног не собьет. Перейдя на другой, более пологий берег, я побрел вдоль него вверх по руслу, высматривая кое-что очень мне нужное. В геологии я не то чтобы силен, но необходимым минимумом владею, когда-то, среди прочего, даже закончил геофак, правда заочно, и ни дня геологом не работал...

Приблизительно через час поисков, прошерстив около километра берега, я обнаружил искомый предмет. Река здесь делала изгиб, образуя небольшую отмель. Место показалось довольно перспективным, и я решил исследовать его поподробнее. За что и был вознагражден.

Этот неказистый рыжевато-черный камень привлек мое внимание не сразу. Вообще-то искал я кремень или на худой конец кварц, но дареному коню... Если я не ошибся, то получится несколько не хуже. Подняв камень, я взвесил его в руке и, присев на корточки, осторожно тюкнул по нему подобранным рядом булыжником. Так и есть! Разбитый на две неровные половины, невзрачный с виду камень сверкнул на сколе. Обсидиан — вулканическое стекло! Можно сказать, повезло: насколько мне известно, своей твердостью и остротой режущей кромки он превосходит даже металл. Кажется, в середине прошлого века обсидиан собирались использовать для изготовления бритв и хирургических инструментов, однако способа добиться не только острой, но и ровной кромки, найдено не было, и дело заглохло.

Как известно, труд сделал из обезьяны кого? Правильно: уставшую обезьяну! Но мне

деваться некуда, так что начнем... помолясь. Не откладывая дела в долгий ящик, я расположился здесь же на отмели и принялся за работу.

В прошлом мне приходилось заниматься подобными вещами, правда, не в силу суровой необходимости, а скорее ради забавы, но некоторый навык имелся.

Аккуратно постукивая камнем по куску обсидиана, я отколол от него несколько острых пластин. Выбрав из них наиболее приглянувшиеся, подобрал камешек поменьше и тщательно взялся за доработку изделий. Не самая привычная работа, да и материал попался незнакомый — раньше я имел дело с кремнем или просто бутылочным стеклом. В результате часть заготовок я загубил. Ничего — зато приобрел необходимую сноровку.

Надо отметить, что, несмотря на массу достоинств, обсидиан все-таки довольно хрупкий минерал, так что делать из него крупные орудия вроде топора нерационально, на них предпочтительнее использовать кремень, нефрит или яшму, но на что-то большое я пока и не замахивался.

Вволю поизмывавшись над хрупкими осколками и несколько наловчившись, я перешел к другим. Дальше дело пошло легче, и через некоторое время я смог наконец оценить плоды своих усилий. Передо мной лежали вполне приличный двусторонний клинок, средних размеров ножа с хвостовиком для крепления рукояти и еще парочка ножевидных изделий. Еще несколько осколков могли послужить вполне сносным оружием или инструментом и без дополнительной обработки: их острые, как бритва, грани не особо нуждались в усовершенствовании. Отобрав один из валявшихся на отмели камней и несколькими ударами обколов его, я сделал грубое ручное рубило, или, правильнее будет сказать, чоппер, поскольку, по мнению авторитетных специалистов, рубилом можно называть только орудие строго определенной формы, совершенное в своем роде и являющееся вершиной палеолитической индустрии. Меня, однако, такие тонкости заботили мало: если орудие должно рубить, то пусть рубилом и называется. Изготовление рукояти для ножа я решил отложить на потом, благо для моих ближайших целей хватало и этого.

Распрямив затекшую от сидячей работы спину, я поднялся на ноги и потянулся, осматриваясь. В окружающем пейзаже ничего не изменилось: все та же река, те же скалы. Хотя, судя по солнцу, да и по моим ощущениям тоже, времени прошло изрядно. Очнулся я ранним утром, а сейчас, судя по всему, уже далеко за полдень. Так что, если мне суждено добыть себе что-нибудь на ужин, стоит поторопиться.

Оставалось, правда, еще одно незаконченное дело. Но тут уж ничего не попишешь — если я не хочу таскать все свое имущество в руках, придется что-то изобретать. Тем более что останавливаться на достигнутом я не собираюсь, надеясь и дальше обрастать необходимыми в хозяйстве вещами.

Придумывать что-то вовсе уж изощренное не пришлось. Подойдя к растущим по краю берега кустам, я просто нарезал молодых побегов, заодно испытал остроту ножа. Качество инструмента меня вполне устроило, впрочем, как и материал для будущего изделия. Не ротанг или ивовая лоза, конечно, но сойдет. Решив, что прутьев достаточно, я быстро сплел из них некое подобие сумки с одной лямкой и сложил в нее свой нехитрый скарб: обсидиановые орудия и наиболее выдающиеся осколки. Потом, пройдясь по отмели, насобирал подходящей для метания округлой гальки. Положив все, что приглянулось, в сумку, я повесил ее на плечо и, расправив плечи, окинул себя мысленным взором. Хорош, ничего не скажешь! Здоровенный голый мужик с плетеной авоськой через плечо, каменным ножом в одной руке и примитивным рубилом в другой. Однако для законченности образа

махрового троглодита чего-то не хватало — небольшого штришка.

Подумав, я решил восполнить недостающую деталь экипировки и направился к одиноко стоящему неподалеку можжевельнику подходящих, на мой взгляд, пропорций. Подложив с одной стороны ствола плоский бульжник, я пригнул деревце так, чтобы оно легло на него, как на плаху, и перерубил, нанеся несколько ударов рубилом, а затем приступил к дальнейшей обработке. Пришлось приложить немало усилий, чтобы пружинящий под ударами камня ствол дерева превратился в узловатую дубину, да и времени ушло порядком. В результате на охоту я отправился позже, чем планировал. Неизвестно, какую дичь можно найти на этом почти голом плато, разве что какую птицу, но попытаться все же стоило, да и провести разведку на местности всегда полезно.

Напившись из реки, кое-где обходя скальные выступы или перепрыгивая с камня на камень, я отправился вверх по течению к виднеющейся вдали группе утесов, по дороге внимательно изучая окрестности на предмет потенциальной добычи. Глухо! Совершенно безжизненная местность!

Между тем облюбованные мной скалы приближались, и что-то в их облике настораживало, что-то было в них необычное, неестественное. Слишком правильные очертания, слишком прямые, ровные линии. Желая разглядеть их лучше, я прибавил шаг.

Так и есть! Терявшиеся раньше на фоне ограничивающей плато каменной гряды, утесы представляли собой несомненное творение рук человеческих. Более того, творение необычное, несколько пугающее и в то же время завораживающее красотой. Подойдя ближе, я смог наконец оценить замысел неизвестных скульпторов. Кисть руки, сжимающая невидимый шар! Или не руки, а, скорее, лапы?! На эту мысль наводили несоразмерно длинные пальцы-скалы с острыми когтями вместо ногтей. И на каждом из когтей был высечен неизвестный мне символ, не похожий ни на что, виденное мной до сегодняшнего дня. Прихотливые пересечения линий полностью уцелели лишь на двух пальцах: указательном и мизинце, на остальных они были покороблены то ли временем, то ли чьими-то целенаправленными усилиями. Коготь же большого пальца был, насколько я мог судить, и вовсе оплавлен неведомой силой. Дальше, за утесами, рушился вниз со скал красивейший водопад. Скапливаясь в углублении каменной ладони, вода образовывала небольшое озерцо, а затем, прорываясь между утесами-пальцами, вновь соединялась в одно русло. В основании гигантской ладони возвышался треугольный уступ, с одной стороны отрезанный водопадом, а двумя другими вклинивающийся в озерцо. Над всем этим клубились брызги и водяная пыль.

Пробравшись между колоннами пальцев великанской руки, я очутился на краю примостившегося в каменной ладони озерца, тело мгновенно покрылось каплями воды, а от грохота ревущего потока заложило уши.

Не знаю, что меня подтолкнуло, но я без раздумий прыгнул в воду и, не обращая внимания на обжигающий холод, поплыл к уступу. Расстояние было небольшое; после нескольких мощных гребков я коснулся руками мокрого камня и, вскарабкавшись наверх, оказался на треугольной площадке с очень ровной поверхностью. Определенно, тут поработали руки, а не природа. Пройдя по скале, я на миг остановился перед водной стеной, а потом, задержав дыхание, нырнул под ледяные струи водопада. Три шага под тяжестью потока, и завеса воды расступилась, открывая взгляду скрытый за водопадом грот. Не задерживаясь, я пересек его и углубился в вырубленный в скале коридор, настолько узкий, что плечи задевали за стены. Вскоре проход закончился, и я очутился на пороге большого зала. Сквозь находившиеся где-то наверху отверстия пробивались лучи солнца, но большая

часть пещеры терялась во мраке.

Наваждение схлынуло. За каким дьяволом меня сюда понесло? И как, скажите на милость, я догадался о проходе за водопадом, под который полез, рискуя свернуть себе шею? Почему пер напролом без единой мысли в голове? Обычно я не склонен к подобным поступкам. Временное помутнение рассудка? Это не ответ! Что-то словно вело меня, туманя сознание, и я очертя голову ломился бог знает куда — черт знает зачем! Творящиеся странности изрядно напрягали, но толком разобраться в ситуации я не успел.

Неожиданно что-то в окружающем пространстве изменилось, и я явственно ощутил направленный в спину взгляд. Готов поклясться, что еще мгновение назад там никого не было. Как правило, я очень хорошо чувствую подобные вещи — помогает остаться в живых, знаете ли. Резко разворачиваясь, я одновременно отпрыгнул в сторону, уходя с линии возможной атаки и готовя к бою оружие. Правая рука посноровистей перехватила палицу, а левая уже выхватывала из сумки нож. Завершив пируэт и оставаясь при этом целым и невредимым, я получил возможность разглядеть противника. Он стоял шагах в пяти от меня, в расслабленной позе, без оружия и вроде бы не помышляя о нападении. Но не это главное. Это был не человек!

«Эльф, мать твою!» — первое, что пронеслось у меня в голове, но секундой позже пришло осознание ошибки. Действительно, на хрестоматийный образ эльфа, знакомый по книгам и фильмам, находящееся передо мной существо походило мало. Имелись некоторые общие черты, но не более того. Прежде всего притягивали внимание его заостренные уши, торчащие из-под свободно спадающих на плечи снежно-белых волос. Большие, вытянутые к вискам глаза цвета серебра казались слепыми из-за полного отсутствия белков. Бледное, заостренное книзу, с тонкими чертами лицо пересекал широкий тонкогубый рот. Ростом почти с меня, а это немало! Существо было одето во что-то вроде хитона или туники серого цвета, облегающее фигуру свободными складками. Нечто знакомое почудилось мне в очертаниях его рук с длинными, заканчивающимися когтями пальцами. И было во всем его облике, пусть необычном, но не совсем уж из ряда вон, нечто потустороннее, необъяснимое, внушающее трепет.

— Я ждал тебя, человек, — прервал молчание незнакомец, неторопливо направляя в мою сторону правую руку с хищно растопыренными пальцами. И все во мне буквально завопило от предчувствия опасности. Игнорировать обострившуюся интуицию и ждать продолжения я не стал. Еще не смолкло эхо от его голоса, еще только поднималась его рука, а я уже летел в прыжке вслед за брошенным без замаха ножом, готовясь нанести удары дубиной в голову и ногой в пах. Нож скользнул по шее существа, не причинив вреда и не оставив даже следа, но удивляться этому уже не было времени. Палица пошла вниз, и враг просто не мог успеть уклониться, но произошло неожиданное. Удар в голову противник отразил, просто подставив левую руку, и по всем законам ее должно было снести вместе с черепом. Но результат получился иной: такой же, как если бы рука была закрыта мощным наручем[1] или щитом. Никаких тебе крови, сломанных костей и размозженного черепа. Коварный пинок в промежность, похоже, почти прошел, но оценить результат и добавить пальцами левой руки по глазам я не успел. Какая-то сила подняла меня в воздух и, с маху впечатав в пол, почти лишила подвижности. По телу разлилось непонятное онемение, я понял, что совсем скоро не смогу шевельнуть даже пальцем! Мать! Как все запущено!..

Надо мною склонилась голова этого непостижимого создания. Рот приоткрылся, и между губ сверкнул ряд мелких острых зубов.

— А ты ловок, смертный, — зазвучал у меня в ушах ровный, невозмутимый голос. На лице существа не отражалось ровным счетом никаких эмоций.

— Прими мою печать! — с пафосом продекламировал вражина.

Еле уловимым движением взметнулась рука и, вычертив в воздухе замысловатый знак, метнулась ко мне, метя когтями в лицо. Содрогнувшись от напряжения всем телом, я дернул головой, пытаюсь увести из-под удара глаза. Стремительным росчерком когти мазнули по лицу, пробороздив лоб и щеку, и быстро отдернулись. Рана моментально вспыхнула адской болью, как будто когти были смазаны ядом или кислотой, кровь моментально залила левую глазницу, но глаз, я надеялся, уцелел. Хотя тело почти не подчинялось, чувствительности я не терял. Остроухий ублюдок поднес кисть ко рту и, слизнув с пальцев красные капли, задумчиво кивнул как будто собственным мыслям.

— Все правильно. Ты тот, кто мне нужен, — промолвил он.

Сидя рядом на корточках, ушастый внимательно таращился на меня своими серебристыми бельмами. Чувствуя неумолимо охватывающее тело оцепенение и изо всех сил пытаюсь этому противостоять, я заскреб еще сохраняющими подвижность кистями рук по земле. Потом с усилием повернул к нему голову не задетым глазом и, не очень надеясь на ответ, прохрипел:

— Кто ты?

К моему удивлению, он ответил:

— Валар.

— И что это должно значить?

— В этом мире нас называют богами, — отозвался он.

«Понятно — манией величия не страдал, хотя временами и мучился», — пронеслась в голове шальная мысль.

Еле ворочая ставшим непослушным языком, я продолжал задавать вопросы. Моей целью было не столько разговорить его и утолить неуместное в данной ситуации любопытство, сколько отвлечь внимание от елозящих по полу пещеры рук. Рядом со мной лежала слетевшая с плеча сумка с частично высыпавшимися из нее осколками обсидиана. Один из них мне удалось, подцепив кончиками пальцев, незаметно подтянуть к себе и сжать в кулаке.

— Ну а что тебе нужно конкретно от меня? — поинтересовался я.

— Твоя жизнь, — спокойно просветил меня Валар. Исчерпывающая информация. Спрашивать «Для чего?» я не стал. Если до сих пор жив — значит, зачем-то ему нужен, а это — шанс!

Не дрогнув лицом, последним усилием немеющих пальцев я вогнал острый осколок обсидиана себе в бедро...

[1] *Наруч* — защита руки от локтя до кисти.

Глава 2

Глава 2

Волк остался бы жив, если бы не заговорил в темном лесу с незнакомой девочкой в красной шапочке!

К. Мелихан

Мою жизнь никак нельзя было назвать пресной и скучной, отнюдь! Но временами я

чувствовал, что принадлежу другой эпохе, остро завидуя героям Хаггарда, Буссенара и Майн Рида, для которых на земле оставалось достаточно белых пятен. И наконец жизнь расставила все по местам, предоставив мне шанс применить свои способности на всю катушку, и даже сверх того!

Для меня вся эта история началась чуть больше месяца назад в не самый светлый день жизни звонком из прошлого. В другой раз я, может быть, и послал бы всех лесом, но тогда не сподобился, а потом стало поздно — все закрутилось и понеслось. Впрочем, по порядку.

В тот знаменательный день я сидел дома, пил глинтвейн, хмуро глядя на заоконную слякоть, и пытался свыкнуться с питерскими реалиями. Погодка не радовала совершенно, наводила хандру и к излишним телодвижениям не располагала. Такая мерзопакость на улице любого может ввести в депрессию. Что уж говорить о человеке, только что вернувшемся в родные пенаты из теплых далеких стран, у которого по квартире до сих пор разбросаны нераспакованные чемоданы, а в памяти еще не потускнели сочные краски африканской саванны. А тут на тебе... В общем, контраст разительный. Одним словом, обстановка как нельзя лучше располагала к унынию и самобичеванию, которым я, собственно, и предавался.

Черт бы все подрал! Мне сорок пять лет, а занимаюсь бог знает чем. Жены нет, детей вроде тоже, работы нормальной — и то нет. Мотаюсь туда-сюда по белу свету, развлекаюсь. Эти метания имели бы смысл и приносили реальную пользу, родись я хотя бы лет сто назад, а в наше время мои эскапады служат только остренькой темой для СМИ на потребу жаждущей экстрима и экзотики публике. Какой, спрашивается, толк в том, что я делаю? Зачем продираюсь сквозь джунгли, покоряю вершины, сплавливаю по горным рекам? Для чего охочусь с масаями на львов, ныряю с ножом к акулам, хожу с рогатиной на медведя? Проще было бы с голой попой на ежа: и острых ощущений навалом, и не надо забираться в такую даль. А может, пересечь Атлантику в коробке из-под апельсинов? Или еще чего глобального совершить — оставить, так сказать, след в истории?!

Размышляя в подобном ключе, я все глубже погружался в трясины апатии. Собственно, в этике стойков апатия — это свобода от страстей, идеал нравственности и состояние, к которому надо стремиться. Но поскольку стойком я себя не числил, то и в подобном состоянии удовольствия не находил.

Мои терзания о смысле жизни прервал телефонный звонок. Все еще пребывая в задумчивости, я рассеянно протянул руку и поднял трубку. Этот голос я узнал сразу, хотя не слышал его лет семь. Все переживания сразу как рукой сняло — звонил генерал Панин.

— Здравствуй, Волх. Узнал? — прозвучало в трубке.

— Здравствуйте, Всеслав Игоревич.

— Вижу, помнишь. Это хорошо! Видел тут тебя по телевизору. Ты знаешь, впечатлен! Молодец, формы не теряешь! — Панин многозначительно умолк, предлагая мне вставить положенную фразу.

— Это вы о чем? — не стал отмалчиваться я.

— Ну как же, — живо подхватил генерал, — как ты там эту гориллу! Голыми руками! В бараний рог! Лихо! Прямо Тарзан! — продолжал ерничать он.

— Компьютер и комбинированные съемки, к тому же горилла была ручная, — заявил я.

— Да ладно, не прибедняйся — я тебя знаю! Скажи еще: с каскадерами снимали. Сознаться, все честно было?

— Честно, честно. Вы только это и хотели узнать, товарищ генерал?

Как будто зная о моих недавних невеселых раздумьях, Панин продолжал развивать тему:

— Да нет, не только это. Ты сам-то как? Паутиной еще не зарос, плесенью не покрылся?

— Нас деградацией личности не запугаешь! — гордо отозвался я.

— Ну-ну... — протянул генерал. — А о настоящем деле не думал?

Я промолчал, и, немного погодя, Панин продолжил, уже сменив тон:

— Ладно, шутки в сторону. Для тебя есть работа, как раз по твоей специальности.

Как ни странно, но в этом я и не сомневался: стал бы Панин названивать просто так, почесать языком! Интересно другое: почему вдруг обо мне вспомнили, через столько-то лет?

— Если как в последний раз, то благодарю покорно, я пас. Извините за высокий штиль, само вырвалось, — едко добавил я.

Панина, похоже, проняло, он немного помолчал, переваривая мою сентенцию, и осторожно продолжил:

— Прости, я, наверно, неправильно выразился. Я предлагаю тебе *постоянную* работу по твоей *нынешней* специальности. Мой тебе совет: плюнь на все и приезжай! Этот проект как под тебя и задуман! О деньгах тоже можешь не беспокоиться: сколько запросишь — столько и заплатим, без вопросов. Короче, гарантирую — не пожалеешь.

Тут он сумел здорово меня удивить. Во-первых, что собой представляет моя так называемая нынешняя специальность, я затрудняюсь сказать и сам. Самое близкое по смыслу — эксперт по выживанию. Во-вторых, я уже имел удовольствие работать в панинском ведомстве, точнее служить, и впрягаться обратно не собирался ни за какие коврижки. Генерал об этом прекрасно знал. В-третьих, что означает фраза: «Гарантирую — не пожалеешь»? Врать Панин не будет, но скажите на милость, как он может что-то гарантировать, когда я сам не знаю, чего хочу? И, наконец, последнее: для моей бывшей конторы такой подход к вопросу оплаты труда — это нонсенс, из ряда вон и ни в какие ворота.... Все эти непонятности требовали прояснения.

— Хотелось бы поподробнее. Что все это значит, и что от меня требуется на этот раз?

— Это не телефонный разговор, — отрезал Панин. — Подробности узнаешь при личной встрече. Адресок, надеюсь, не забыл?

— Мудрено забыть.

— Ну и отлично, вылетай завтра в одиннадцать, билет тебе забронирован.

— Всеслав Игоревич, давайте не так быстро, тут думать надо...

— Вот и подумай. До завтра время есть. Ну, все, Волх, бывай, у меня еще куча дел. В общем, жду! — скомкал разговор генерал.

Ответить я не успел — трубка уже пищала короткими гудками.

Содержательная получилась беседа, ничего не скажешь. Озадачили по полной программе. Положив трубку, я откинулся в кресле, прокручивая в голове состоявшийся разговор. Надо признать, Панин хорошо меня зацепил, после такого предложения усидеть на месте будет трудно. Тем более с моим теперешним кризисом жанра... или среднего возраста? Кому как больше нравится. Что же это за работа такая небывалая? Черт ее дери!

Постепенно от проблем насущных мои мысли перекочевали к событиям давнего прошлого, к ведомству генерала Панина — моей альма-матер.

Контора наша существовала как один из отделов засекреченного «по самое некуда» НИИ, бьющегося над проблемами оружия завтрашнего дня. Занимался отдел так называемыми аномальными явлениями, или, проще говоря, откровенной чертовщиной и иже с ней, с гипотетическим прицелом на военные нужды. Названия, по сути, не имел, только номер — девятый. Курировался непосредственно ГРУ ГШ, что, в общем, не странно,

поскольку его сотрудники значительную часть своего времени проводили за железным занавесом, занимаясь делами темными и зловещими, вырывая тайны у природы или коллег из-за бугра. В некотором роде аналог Аненербе[1]. Заправлял всем этим генерал-майор Всеслав Игоревич Панин.

Карьера моя в епархии Панина начиналась непрезентабельно: с роли подопытного кролика и объекта исследований. Так что составить некоторое представление о произошедших со мной событиях я смог только гораздо позже, со слов сослуживцев.

Случилось так, что в нежном возрасте четырнадцати лет я оказался единственным уцелевшим после авиакатастрофы. Кроме многочисленных ран и переломов я получил тяжелейшую черепно-мозговую травму, приведшую к полной потере памяти. До уровня овоща не дошло, но амнезия превратила мой мозг в чистый лист, я забыл даже родной язык. Однако суть не в том, при травмах головного мозга все это не редкость. Что сместилось у меня в голове, не ясно, но это привело к неожиданным последствиям. Кроме того, что мои раны, к удивлению врачей, заживали поразительно быстро, я и сам начал расти, прибавляя чуть не по сантиметру в день. Так что за месяц, проведенный в больнице, я не только полностью поправился, но и вымахал почти до двух метров. И продолжал расти дальше, правда, уже не с такой скоростью. Наряду с этим мой организм приобрел и другие интересные возможности! Например, я мог регулировать температуру тела (в определенных пределах естественно); по желанию убыстрять или замедлять сердцебиение — вплоть до полной остановки сердца; задерживать дыхание на пятнадцать минут, ну и еще кое-что. Некоторые новые способности, как, к примеру, чувство направления и времени, я осознал гораздо позже. Зрение, слух и обоняние тоже претерпели изменения в лучшую сторону. А скорость реакции, мышечная сила, координация движений и выносливость оказались далеко за рамками возможностей обычных людей. Хуже дело обстояло с памятью — я так ничего и не вспомнил. Представлений об окружающем мире у меня имелось не больше, чем у новорожденного ребенка. Всему пришлось учиться заново, правда, новую информацию я впитывал как губка, да и, как выяснилось, обладал фотографической памятью. Несмотря на это, даже сейчас о том промежутке времени я имею весьма смутное представление — примерно так человек помнит первые годы своей жизни.

Так или иначе, но вскоре информация о феномене просочилась куда следует, и мной заинтересовались будущие коллеги. К тому времени стало понятно, что личность мою установить, скорее всего, не удастся. Сам я ничего не помнил, документы после аварии не уцелели, а родственники не спешили заявить о пропаже. Это обстоятельство изрядно облегчило жизнь панинским архаровцам, изъявшим меня из больницы без шума и пыли и доставившим по месту назначения. Там за меня вплотную взялись умельцы девятого отдела. Скоро, правда, выяснилось, что никакими паранормальными способностями, интересными конторе, я не обладаю, а все новоприобретенные свойства организма давно известны и по отдельности встречаются у многих людей в большей или меньшей степени.

«Тут у нас все в комплексе, такое практически не встречается, плюс спонтанный прорыв... Механизм явления, конечно, не ясен... В общем, случай интересный, но это не наш профиль», — таков был окончательный вердикт. Интерес к моей персоне постепенно угасал. Иногда кто-то придумывал новый тест или еще какую проверку на вшивость, но энтузиазм явно иссяк. Примерно к этому времени я окончательно пришел в себя, осознав окружающую действительность в полной мере. До этого момента мои воспоминания отрывочны и туманны, и все, что на сегодняшний день мне известно о своем появлении в

конторе, собрано по кусочкам. Тогда и встал вопрос: что со мной делать дальше? Отдавать на сторону — жалко, оставить себе — хлопотно. Решили все же оставить, подучить и приставить к делу.

— Будешь сыном полка, — пошутил Панин. Он же и стал «крестным отцом», осчастливив меня именем Волх, что в сочетании с отчеством Всеславич показалось ему вполне уместным[2], а потом надолго оставил в покое. Остальным сотрудникам, как людям, по роду деятельности имеющим некоторое отношение к фольклору, идея понравилась, и меня совместными усилиями наградили подходящей, с их точки зрения, фамилией — Зверев. В дальнейшем меня чаще называли Олегом, чтоб не ломать язык. И в документах прописали так же — людям моей профессии лишнее внимание ни к чему. Только Панин неизменно обращался — Волх.

Образование я получил «домашнее». Правда, с учетом специфики заведения, несколько неординарное, потому как натаскивали меня попеременно светила советской науки и зубры разведывательно-диверсионного спецназа. В таком деле, как наше, отправлять на задание откровенных костоломов бессмысленно, а тащить с собой «ботаников» — чревато. Поэтому все офицеры девятого отдела кроме обязательной спецназовской подготовки были отличными специалистами по меньшей мере еще в одной-двух областях человеческого знания. И мне надо было соответствовать...

Факультет спецназа Рязанского высшего воздушно-десантного училища я заканчивал экстерном и практически заочно! С такими наставниками, какие были у меня, это совсем и не странно, другое дело, что такая форма обучения там напрочь не предусмотрена, но Панин нажал на какие-то свои рычаги и кнопки, и это вопиющее безобразие спокойно прокатило.

Подобным же образом я обзавелся дипломами исторического и геологического факультетов университета. Но профанацией это не было. Предметом я владел на отлично. Кроме того, что это было необходимо по работе, так еще и служило неплохим прикрытием. В развивающихся странах, где в основном и лежали интересы нашей конторы, такие специалисты всегда в цене.

К двадцати одному году, получив звание лейтенанта, я уже давно и плотно пахал на оперативной работе, в поте лица добывая для советской науки крохи тех самых оккультных знаний, бескомпромиссно отвергаемых ею с позиции материализма. А с учетом того, что моя внешность и габариты везде вызывали повышенный интерес, большую часть времени я проводил в самых недоступных уголках планеты. К этому моменту я наконец перестал расти, остановившись на отметке в два метра пятнадцать сантиметров и набрав около двухсот килограммов веса — тренированного, жилистого мяса. Кроме того, от обычных людей меня отличали чрезвычайно массивные кости черепа и скелета. На них могло крепиться большее количество мускулатуры, в том числе и той, которая обычно плохо развита у современных людей. Из всего вида *Homo sapiens* подобным строением костяка и удлиненными пропорциями тела могли похвастаться лишь кроманьонцы[3]! И только среди них я не выглядел бы переростком. Ну, еще в команде баскетболистов... Видимо, травма пробудила во мне какие-то спящие гены, заставив выглядеть похожим на далеких предков.

Как уже сказано, внешность моя довольно примечательна... Это трудно объяснить: она не космополитическая, а наоборот. То есть, с одной стороны, я — безусловно, четко выраженный европеоид, а с другой — представитель любой европейской нации сразу распознает во мне чужака, спинным мозгом почувствует. Проверено! Темные волосы, зеленые глаза, чуть смугловатая кожа, черты лица крупные, грубые. Не красавец, но и уродом,

конечно, не назвать... Казалось бы, этакий усредненный тип — ан нет! Паршивое качество для шпиона... Хотя плевать — я-то диверсант! От науки...

Куда пристроить здоровенного бугая с силой медведя и ловкостью леопарда? Правильно, туда его... к этим самым крокодилам и тиграм, в тайгу, джунгли, горы, льды, пески и саванны. Так и покатило. Шастал я за тридевять земель по лесам и болотам, добывая «то, чаво на белом свете ваабче не может быть». Если же, не дай бог, это самое уже надыбали и спрятали за семью замками конкуренты, требовалось все это выкрасть... желательно вместе с замками и еще чем-нибудь полезным!.. Ну а если и выкрасть нельзя, то хотя бы разнести все вдребезги и пополам, чтоб неповадно было... Такая вот непыльная работенка.

Закончилась моя служба, как и у многих других, в начале девяностых годов прошлого века. Все разваливалось, этой участи не избежал и секретный НИИ, а с ним и наша контора. Новое, насквозь демократическое правительство страны со страшной силой и самоотдачей внушало населению немудреную мысль о том, что патриотизм — цитируя классиков, «разрушительная, психопатическая форма идиотизма», и своего, кажется, добилось. Так что в звании капитана я ушел в отставку, подался на вольные хлеба, с дюжиной дырок в шкуре, неплохой коллекцией орденов и медалей и с полным недоумением, как жить дальше...

Уходить в охрану берець толстопузых толстосумов совершенно не тянуло. На фоне последних событий в стране скорее хотелось «мочить их в сортире». Да и обучен я был другому: нападению, а не защите. В большом спорте мне тоже ничего не светило: там своя специфика и нюансы, и что из того, что я не знаю человека, который мог бы выстоять против меня хотя бы несколько минут, будь то бокс, борьба или что еще. Моя базовая подготовка построена на довольно специфической системе рукопашного боя, где после проведения приема по всем канонам и инструкциям требуется «противника пристрелить или добить ногами» или же уделать как-то еще! Другие боевые стили, которыми я владею, тоже совершенно не пригодны для «честной» спортивной борьбы, а предназначены сугубо для того чтобы просто и незамысловато уничтожить врага, стерев того в порошок, максимально эффективно и с минимумом усилий. Ну и скажите на милость, куда мне с такими навыками на ринг или татами?!

Кончилось тем, что я от безысходности махнул «диким гусем» в жаркие страны. Оттуда не так давно убрались белые угнетатели-колонизаторы. Чем сразу воспользовалось местное население, моментально взобравшееся обратно на свои пальмы, правда, на этот раз прихватив с собой автоматы. Принимать участие в дележе кокосов я не собирался, как и следовать по стопам Конго Мюллера и Боба Денара — времена уже не те.

Подняв старые связи и обзаведясь новыми, провернув несколько впечатляющих операций и сформировав соответствующую репутацию, я отвоевал себе местечко под жарким африканским солнцем. Моей спецификой стало проведение акций устрашения, направленных против некоторых зачастую в прямом смысле людоедских режимов. Или же, напротив, контрпартизанские рейды по душу укрывшейся в джунглях не менее каннибальской оппозиции. То есть физическое уничтожение зарвавшихся вождей, политиков и разномастных команданте, и не по-тихому, а со всей возможной помпой — в воспитательных целях! По принципу: впереди все горит — позади все рыдает! В общем, честно нес «бремя белых». А что вы хотите? Если других методов не понимают!

Понасмотревшись на то, что творили с людьми иные деятели, я без зазрения совести мог порезать таких на куски или, действуя с выдумкой и огоньком, придумать чего похлеще — на страх агрессору. Примитивным скармливанием крокодилам местных не запугаешь —

это у них в порядке вещей. Безумно хотелось повернуть нечто подобное у себя на родине, но, увы, приходилось довольствоваться местными «слугами народа».

Кроме того, я не упускал возможности подгадать америкосам с их великой кадаврианской мечтой, идеологией сытого брюха и демократией толстожопых, в меру сил стараясь надавать по загребушим лапкам. Заказчиком подобных мероприятий, напрямую или через посредников, обычно выступало дышащее на ладан российское ГРУ ГШ в лице своего восьмого управления. В общем-то все спецслужбы используют наемников в своих целях, взять того же Боба Денара. Так что исключением я не стал, а возможные альтернативы были куда неприятнее. По крайней мере я имел возможность выбирать и брался только за то, что отвечало моим принципам и соответствовало понятиям о справедливости. Хотя бы в первом приближении...

Надо сказать, что в определенных кругах я заработал соответствующий авторитет. Не знаю, пугали моим именем детей или нет, но известие о том, что в их краях появился Белый Дьявол, вызывало у заинтересованных лиц неконтролируемое расслабление сфинктера. Таковую реакцию я всячески приветствовал и поощрял, а со временем, для создания нужного настроения перед проведением акции, стал отсылать объектам влияния упаковки подгузников. Чем в конце концов породил народную африканскую примету: если с гуманитарной помощью пришли подгузники — жди беды! Постепенно, поддерживая нужный имидж, я стал для негров тем, кем был для бандерлогов Каа. И отнюдь не желтым земляным червяком! Что меня вполне устраивало — до сих пор приятно вспомнить.

Но ничто не может длиться вечно... В один прекрасный день меня крупно подставили, втавив в довольно паскудную историю, так что я лишь чудом сумел выбраться живым и не замараться при этом по уши. Черный континент пришлось покидать, теряя тапочки, чуть ли не под огнем танков и вертолетов. Кстати, наших советских танков и вертолетов, подаренных бандерлогам, наверное, для того, чтобы они могли поделить кокосы честно и по справедливости. Увы... они не умели считать! На том моя африканская эпопея и закончилась.

В общем, помывавшись солдатом удачи, я решил завязывать и, пораскинув мозгами, отыскал-таки свою уютную экологическую нишу, позволяющую оставаться вольным стрелком. Занятие я себе нашел нетривиальное, в достаточной степени отвечающее моим способностям и желаниям: этакая гремучая смесь из экстремального туризма, экстремального спорта и такой же охоты. В своем роде бестиарий[4] наших дней. Плевались и шипели, правда, многочисленные общества защиты животных, но мне до этого было глубоко параллельно, благо разрешениями и лицензиями я укомплектовался под завязку. Так что я преспокойно рвал пасти тиграм и крокодилам голыми руками, вместо того чтобы гуманно пристрелить их из-за угла.

Все это время Панин продолжал барахтаться в своей стихии и, по всей видимости, успешно. Связи мы не теряли. В Африке я несколько раз выполнял его поручения, уже в качестве наемника. Потом приключилась та нехорошая история, и Панин оказался каким-то боком замешан. Генерал, конечно, сумел отбрехаться, хотя, может, и правда не знал подробностей, и расстались мы мирно, но я ясно дал ему понять, что с такими делами завязал навсегда. И он, казалось, это понял хорошо... А теперь вот этот звонок...

Еще не успев повесить пищащую трубку, я уже знал, что приму предложение Панина. И плевать, что он толком ничего не сказал, — я просто спинным мозгом чувствовал: наклеывается что-то необычное, а раз так, надо в этом поучаствовать. Хандра и уныние

куда-то бесследно испарились. Я бодро вскочил из кресла и, осматриваясь, прошелся по квартире. Почему-то казалось, что опять попаду я сюда не скоро. Так что баулы полностью можно не распаковывать, просто что-то вынуть, что-то добавить. Этим и займемся, времени до вылета остается не так много. А мне хотелось напоследок немного расслабиться: допить глинтвейн, почитать хорошую книгу... Когда еще получится?

На следующий день я вылетел в Архангельск, где меня сразу встретили чуть ли не у трапа самолета. Черная 31-я «Волга» с немногословным шофером за баранкой мигом доставила меня на военный аэродром. Там я пересел в вертолет и уже через час был на объекте.

Надо сказать, Панин не обманул ни в едином слове! Работа оказалась как раз по мне и по специальности. Узнав подробности предстоящего дела, я понял — теперь меня отсюда и за уши не оттащишь! Похоже, у меня появился реальный шанс реализовать свои способности в настоящем деле, стать первопроходцем! Да, черт возьми! Это было именно то, о чем я мечтал!

Не знаю, чего изначально хотели добиться панинские умники; являлись ли плоды очередного эксперимента следствием незапланированного сбоя или заранее ожидаемым результатом, — скорее, первое. Как бы то ни было, открытие случилось эпохальное, и перспективы просматривались впечатляющие!

Достоверно известно одно: усилиями не известных широкой общественности гениев удалось прорубить окно в другой мир! Да что там окно — дверь! (Правильнее было бы сказать — дверцу, ну да ладно.) Что это за мир и где он находится, было неясно. Гипотезы звучали разные. Планета в чужой галактике? Параллельная реальность? Другое время? В пользу той или иной версии свидетельствовали различные факторы, истина же, как обычно, ускользала.

Особенности функционирования окна, портала или, как его начали называть позже, контура тоже вызывали немало вопросов. Открытый один раз, проем в неведомое продолжал существовать сам по себе, не требуя никакого вмешательства со стороны. Большую часть времени квадратный размером три на три метра контур позволял только любоваться пейзажами чужого мира. Однако один раз в лунный месяц, а именно в последний день полнолуния, грань между мирами размывалась, давая возможность переправить на ту сторону или доставить оттуда материальный объект. Правда, только туда или только обратно и только живую органику весом до трех килограммов... Насчет последнего пункта меня клятвенно заверили, что над этим работают и решение проблемы веса объекта не за горами, в остальном — извините... А пока исследователи занимались обработкой визуальной информации да баловались, запуская в контур кроликов, крыс и мышей на радость хищной фауне иноземелья.

В общих чертах наблюдения и эксперименты выявили примерно следующее: диаметр, сила тяжести, время обращения вокруг светила и собственной оси у неизвестной планеты приблизительно соответствуют земным, небольшой разницей можно пренебречь. Рисунок созвездий в ночном небе совершенно другой. Луна в наличии имеется, но большего, по сравнению с нашей, размера. Климат, видимо, ровнее земного, что обусловлено меньшим наклоном оси планеты. Флора, в принципе, почти идентична земной. Фауна, насколько можно судить, имеет много общего с палеолитической фауной нашего мира. По поводу разумной жизни ничего определенного сказать пока было нельзя.

Мне в намечающемся проекте отводилась роль лазутчика на вражеской территории.

Нужен был человек, способный голым и босым продержаться месяц в чужом первобытном мире, и я по всем статьям подходил для этого как нельзя лучше. Как меня проинформировали, подготовка к переходу объекта моих габаритов близится к завершению, до победы около месяца, а старт будет дан в последний день полной луны. Так что оставшееся время в преддверии возложенной на меня миссии я должен был провести, усиленно тренируясь и выслушивая наставления маститых ученых.

Собственно, вся подготовка оказалась сплошной профанацией, потому как отыскать инструкторов по «выживанию где бы то ни было» лучше меня представлялось попросту нереальным. Говорю об этом без ложной скромности, потому как знаю это доподлинно. В обычной жизни я человек уравновешенный и сдержанный, но вот в острых ситуациях легкий налет цивилизации мгновенно улетучивается, оставляя под собой дикого зверя, — это люди так говорят. Я же считаю, что веду себя единственно правильным образом! Это качество, помноженное на некоторые специфические знания и умения, а также количество разнообразных способов смертоубийства, которыми я владею, как правило, давало хороший результат, позволяя уцелеть там, где выжить, считай, невозможно.

Это все так, к слову, чтоб было понятно, почему взор нанимателей обратился именно на меня, уже давно миновавшего пик формы и призывной возраст. В общем, я сомневаюсь, что могла появиться лучшая кандидатура.

Про теоретическую часть подготовки могу сказать следующее: лекции на тему палеолита, мезолита, неолита и иже с ними поражали редкостной обтекаемостью формулировок и полным отсутствием любой полезной информации. Короче, слово в слово по максиме: историк — это специалист, способный рассказать о том, чего не видел, на основании того, в чем сам сомневается. Несколько лучше дело обстояло с палеонтологией, хотя тоже не фонтан... Реконструкция подлинного облика животного по осколку челюсти или кусочку зуба представлялась мне делом весьма сомнительным.

В общем, в оставшееся до дня X время я просто поддерживал физическую форму, созерцал ландшафты по ту сторону прозрачной преграды да пролистывал научно-популярную литературу по теме, нахально игнорируя спецсеминары.

А потом был шаг в контур, и все тщательно выверенные планы полетели псу под хвост...

[1] *Аненербе* («Наследие предков») — нацистская оккультная организация, НИИ и спецслужба СС одновременно.

[2] *Волх* (Волк) — предположительно бог охоты у славян. Волх Всеславич (Вольга Святославич) — былинный богатырь, сын змея, оборотень. Иногда отождествляется с князем Олегом.

[3] *Кроманьонцы* — люди современного типа, обитавшие на просторах Европы 10–40 тыс. лет назад. Отличались высоким ростом и мощным телосложением.

[4] *Бестиарий* — гладиатор, сражающийся со зверями.

Глава 3

Глава 3

Когда враг потирает руки — твой час! Давай волю своим!

Пол в пещере был неровный. Острые камни впивались мне в спину, угрожая, казалось, продавить тело насквозь. Полностью обездвиженный, я лежал на том же месте, куда швырнул меня клятый Валар, и лежал довольно давно. Да я просто ненавижу этот чертов пол! Однако все эти неудобства были далеко не самой главной неприятностью в моем нынешнем положении...

— Тебе лучше согласиться с моим предложением. Так, по крайней мере, умрешь быстро, а своим упрямством ты ничего не добьешься, только продлишь и несказанно усугубишь свои мучения. Поверь, я еще не принимался за тебя всерьез, — увещевал склонившийся надо мной Валар.

— Лучше бы, конечно, помучиться, — процитировал я.

— Это ты шутишь? Зря! Тебе стоит отнестись к моим словам серьезно, у меня мало времени. Обряд надо провести в полночь, но оставшихся часов мне вполне хватит, чтобы полностью сломить твою волю. Мне кажется, пора продемонстрировать, чем чревата твоя несговорчивость.

— То, что вам только кажется, нам давно мерещится, — пробормотал я.

Сознание мутилось, мысли ворочались с трудом. Собравшись, я поймал ускользающую мысль и спросил:

— Ответь мне еще на один вопрос. Как мы разговариваем друг с другом? Допустим, ты знаешь русский, но почему я понимаю тебя? — Я прекрасно отдавал себе отчет, что звуки речи Валара совершенно мне не знакомы, и вместе с тем улавливал даже малейшие смысловые нюансы. В свою очередь сам я продолжал говорить по-русски, и Валар, по-видимому, тоже не испытывал никаких затруднений.

— Ты пытаешься тянуть время? Хорошо, я отвечу. Язык один! И если подправить кое-что здесь, — Валар ткнул пальцем мне куда-то в область виска, — проблема коммуникации снимается, — просветил он меня.

— То есть теперь я буду понимать любой язык?

— К сожалению, недолго. Времени попрактиковаться у тебя не будет, — ответила эта падла. За все время нашего с ним общения я так и не понял, умеет ли он шутить или говорит всегда серьезно.

— К сожалению? Тебе что, действительно жаль, или это просто фигура речи?

Валар ненадолго задумался, а потом все же снизошел до ответа:

— Удовольствия я не получаю, но все это необходимо.

— Что же это за крайняя нужда такая? Пытать человека, а потом принести его в жертву незнакомому кому? Просвети, будь другом, может, и я проникнусь твоими идеями?

Валар посмотрел на меня с нескрываемым сомнением, но объяснить попытался:

— Пытать тебя я еще не начинал, а если ты проявишь благоразумие, то этого делать и не придется...

— Что же тогда ты делаешь сейчас? — перебил его я.

Вопрос не лишний, если учесть, что я лежал в луже собственной крови, а Валар тщательно выводил по моему телу замысловатые узоры, пользуясь вместо кисточки своим острым когтем!

— Я готовлю тебя к ритуалу, — невозмутимо продолжил он. — Что касается остального... — Валар склонился ближе ко мне и повысил голос: — Жертва нужна мне! Ты

человек из другого мира, и все взятое у тебя понадобится мне там... за гранью. После ритуала мои способности в полной мере останутся со мной и в твоём мире, а ты в любом случае умрешь! Но жертва, принесенная добровольно, стоит дороже...

— Даже если согласие вырвано под пыткой?

— Даже так! Обманом, пыткой, шантажом — неважно... Тебя ждет пытка.

— А твоя ворожба? Ты же притащил меня сюда, чего тебе стоит получить мое добровольное согласие?

— Магия здесь не годится, это не будет твоим собственным решением, чем бы оно ни было продиктовано. К тому же во время ритуала действие любого заклятья прервется.

За предыдущие пару часов я сумел почерпнуть для себя некоторое количество полезных сведений. Валар, с самого начала пояснивший, что от меня требуется всего лишь безропотно и добровольно умереть на алтаре, охотно отвечал на вопросы и иногда спрашивал сам. Не забывая попутно разукрашивать мое тело прихотливой вязью замысловатых символов, процарапывая линии когтем. Подобная словоохотливость меня не удивляла: совмещая болевое воздействие с душевной беседой, можно добиться того, что жертва начнет воспринимать своего мучителя чуть ли не как близкого друга, и, похоже, Валару был знаком этот прием. По крайней мере разговором он не пренебрегал. Что-то, я чувствовал, он утаивает, где-то не договаривает, но мне нужны были любые крохи информации о происходящем. Обездвиженный враждебными чарами, я терпел и спрашивал — он терзал и отвечал!

Вкратце картина вырисовывалась следующая: сбой контура и все из этого вытекающее — дело рук самого Валара. Да и вообще все, связанное с работой контура и перемещениями из одного мира в другой, — его непосредственная заслуга. С его слов выходило, что именно он инициировал окно в нашем мире и дожидался только удобного для себя момента, чтобы осуществить перенос подходящего объекта, то есть меня! (Чем, скажите, ему не угодили другие постоянно толкущиеся возле контура люди?) И этот час пробил!

Насколько я понял, переход в наш мир не составлял для ушасто-когтистой сволочи проблемы. Но вот для того чтобы в полном объеме сохранять там свою эпически-магическую силу, требовалась специальная, отвечающая определенным условиям жертва, принесенная в нужное время в нужном месте. Вот такие пирожки с котятами. По-моему, Валар темнил, но вывести его на чистую воду в моей ситуации не представлялось возможным.

Что касается места, где я очутился, то мир этот называется Сид, и здесь правят балом чародейство, магия и колдовство — одним словом, сплошная парафизика! Само наличие в этом мире магии как таковой меня не удивляло. Слава богу, большую часть сознательной жизни я провел, пытаясь обнаружить ее следы у себя дома. Интересно другое — учитывая способность этих уродов без проблем шляться туда-назад, следов этих у нас находилось на удивление мало.

Населяет Сид кроме людей еще без малого пара дюжин разумных рас, и некоторые из них поразительно напоминают волшебные народы наших сказок и преданий: гномов, эльфов, троллей... Эта новость тоже не вызвала у меня недоумения — навряд ли мифы и легенды родной земли возникли на пустом месте. Все эти племена, народы и расы находятся между собой в весьма запутанных отношениях, варясь в котле непрерывных свар и междоусобиц.

Раса валаров отстоит как-то на отшибе и, насколько я понял, претендует на роль богов этого мира, как мне показалось, не всегда успешно. Кроме того, существуют еще какие-то

высшие силы, но что они собой представляют, я прояснить так и не смог.

Если говорить о том, где находится Сид... Это как бы продолжение Земли, другая сторона медали, кривое зеркало. Представляя с Землей одно целое, он с другой стороны уравнивает ее, так что некие глобальные процессы, происходящие у меня на родине, так или иначе обязательно находят свое отражение и здесь. И наоборот. Мне эта космогония показалась весьма туманной и маловразумительной, но как раз с этим ничего не поделаешь.

В то же время, если на Земле почти не работает магия, то здесь трудно заставить функционировать что-то сложнее парового двигателя. Вся фишка в том, что вместо привычного для меня электричества его роль здесь выполняет магическая энергия, доступная, правда, не всем, а лишь ограниченному кругу избранных. Возможности местных магов остались для меня загадкой. Учитывая, что и на родине с электричеством до сих пор не все ясно, что уж говорить о законах магии, используемой здесь.

В общих чертах, это было практически все, что мне удалось выяснить. Не то чтобы много, но в сложившейся ситуации и немало. Кроме того, все это время я лихорадочно прокручивал в голове различные варианты дальнейшего развития событий, судорожно отыскивая лазейку в намертво захлопнувшейся ловушке. Хиленький план, дающий малюсенький шанс на успех, был набросан только в первом приближении, но другого у меня не было, а время, отведенное Валаром для диалога, вышло.

— Я ответил на все твои вопросы?

— Что тебе нужно у нас, Валар?

— Тебя это не должно волновать, — отрезал он.

Все вопросы о том, что он позабыл на Земле, Валар почему-то предпочел обойти молчанием, невзирая на мое безвыходное положение. Оставалось только строить предположения. Но, по всей вероятности, никому ничего хорошего от этой экскурсии ждать не приходилось.

— Итак, спрашиваю еще раз: ты согласен принять свою судьбу?

— Нет! — выплюнул я ему в лицо.

— Тогда ты познаешь боль! — с пафосом провозгласил остроухий ублюдок. Безжалостный удар когтями поставил точку в разговоре и начисто вымыл из головы все мысли. Все десять его когтистых пальцев погрузились в мое тело, отыскивая нервные узлы и болевые точки. Сознание затопила вспышка чудовищной боли!

Существует множество методик преодоления боли, но когда за дело берется специалист, по-настоящему не действует ни одна, и сейчас мне приходилось убеждаться в этом на собственной шкуре! Валар оказался неплохим палачом, ему были прекрасно известны все уязвимые места человеческого тела. Его увенчанные когтями пальцы порхали по моему телу, как по клавишам рояля, не нанося серьезных увечий, но причиняя невыносимые страдания. Время для меня остановилось, нескончаемая мука чередовалась с краткими моментами передышки, и тогда Валар снова задавал свой вопрос...

Последующие несколько часов я запомнил плохо. Человеческий мозг имеет свойство вычеркивать из памяти особенно неприятные моменты жизни, наверное, это к лучшему. Не знаю даже, кричал ли я, или и на это не оставалось сил. Терять сознание Валар мне не позволял. Несколько раз я пытался остановить сердце, я умею это делать, но он не оставил мне даже такого выхода. Виновата ли здесь магия или великолепное знание Валаром человеческой анатомии, но умереть мне не дали...

Валар не бросал слов на ветер! Не помню точно, как это случилось, но, измученный

нескончаемой пыткой, я в конце концов прохрипел: «Да!» Полностью обессиленный, сломленный и равнодушный ко всему, я желал только одного — скорейшего прекращения мучений! И только где-то в глубине души тлели, тщательно скрытые до поры, искры дикой ненависти и сжатая до предела пружина отчаянной ярости!

Испытующе посмотрев мне, казалось, в самую душу, Валар произнес:

— Время подходит. — И, легко подхватив меня на руки, направился к выходу из пещеры. Там, где я продирался по подземному проходу, царапая плечи, Валар со мной на руках шагал свободно. Стены, такое впечатление, расступались, пропуская его. Мой рост больше семи футов, а вес около двух центнеров, он же шел, как будто вовсе не замечая тяжести. Пройдя под смывшим с меня кровь водопадом, Валар вышел на клином врезающийся в озеро уступ и возложил мое неподвижное тело на небольшое возвышение в вершине треугольника. Я находился посередине заполненной лунным светом сферы, на импровизированном алтаре, готовый к закланию! По всему выходило, что церемония вот-вот начнется...

Безучастный ко всему, я лежал на залитом лунным светом утесе, в основании каменной ладони. Грохотал в ушах водопад, водяная пыль со всех сторон окутывала мое тело, холодные брызги попадали на лицо, и я жадно хватал их пересохшими губами. Падая с неба, лунный свет удивительным образом преломлялся в клубящемся над водопадом водяном пару, являя взору невероятную картину: каменные пальцы, бережно сжимающие сотканную из призрачного света сферу! Но мне не было дела до красот...

Стоя надо мной, Валар простер перед собой руку ладонью вверх. Свел немного пальцы, и между ними проявился налитый лунным светом шар. Такой же, как и сияющая вокруг нас сфера, только гораздо меньше размером. Осторожно накрыв его другой рукой, Валар опустился подле меня на колени и торжественно провозгласил:

— Перед лицом Сил спрашиваю: ты готов к Ритуалу?!

Рев близкого водопада словно куда-то отодвинулся, и я отчетливо слышал каждое его слово, хотя мгновение назад это казалось невозможным. Мне было известно, что последует, ответь я отказом. Валар реалистично живописал мне медленную и мучительную смерть здесь же на алтаре вместо быстрой и почти безболезненной.

Я видел, как пульсируют, наливаясь силой, странные руны на сжимающих сферу когтях Валара. Три на одной руке и две на другой. Точно такие же, я вспомнил, были высечены и на каменных утесах-пальцах!

— Готов, — обреченно прошептал я.

Руки Валара резко рванулись вниз, разбивая лунную сферу о мою грудь. Сполохи серебристо-синих молний рванулись от меня во все стороны, ударились о границу внешней сферы и, не найдя выхода, закружились внутри нее, рисуя фантастические узоры.

— Ты услышан! — оценил результат Валар.

В ту же секунду я почувствовал, что много часов сковывающее мое тело онемение бесследно исчезло! Однако что в этом толку — после пыток и многочасовой неподвижности тело мне почти не повиновалось, к тому же я только что подтвердил свою готовность умереть.

Валар поднял к небу свои, словно залитые расплавленным серебром глаза. Кисти его рук чертили в воздухе замысловатые пассы, оставляя за собой фосфоресцирующий след. Все понижаясь, голос его сливался с грохотом водопада, а с губ падали рокошущие слова, резонируя во всем моем теле. Хотя теперь, не без помощи этого ублюдка, мои способности к языкам неизмеримо возросли, но сейчас смысл его завываний ускользал от моего

понимания. Читаемое на неизвестном языке заклинание не было предназначено для уха человека. И тут я увидел, как над нами начинает формироваться пронизанная молниями воронка смерча, нацеливаясь своим хоботом прямо мне в грудь! Я понял — истекают последние мгновения моей жизни! Ну что ж... исправить уже ничего нельзя, но окончательно испортить — еще можно!

Не отрывая глаз от нарождающегося смерча, Валар дочитал заклинание и обратился уже ко мне:

— Повторяй за мной! — скатываясь на инфразвук, прогремел в моей голове его голос.

«Если не сейчас, то все — конец! Другого шанса уже не будет. Хотя какой шанс?! Его и так, считай, нет», — пронеслись в мозгу сбивчивые мысли. Сердце ускорило свое биение, мощными толчками прогоняя по жилам застоявшуюся кровь, в которую выплеснулись огромные порции адреналина. Затекшие мышцы набухали, обретая подвижность и силу.

— Отдаю жизнь свою! — продекламировал вступление к последнему акту драмы Валар.

— Отдаю жизнь свою! — эхом отозвался я. В это же время, подчиняясь моему приказу, организм срочно мобилизовал все доступные резервы.

— Отдаю душу свою! — низкий голос Валара заставлял вибрировать каждый нерв.

— Отдаю душу свою! — сохраняя полную неподвижность и отрешенное выражение лица, вторил я, одновременно вгоняя себя в состояние боевого транса.

— Отдаю силу свою! — Слова Валара становились тягучими, время для меня замедляло свой бег.

— Отдаю силу свою! — Я позволил тщательно копившейся в глубине души ненависти затопить сознание. Скоро мне понадобится все, на что я способен.

— Отдаю плоть свою! — продолжал Валар.

— Отдаю плоть свою! — Багровая пелена уже застилала разум, и я еле сдерживал себя, чтобы она не выплеснулась наружу раньше времени. Нащупав в ране на правом бедре скользкий осколок обсидианового лезвия, я крепко ухватил его пальцами и потянул наружу, раздирая живое мясо.

— Отдаю кровь свою! — тянул свою песню Остроухий.

Да! Вот оно! Теперь это только его песня! Оплошал Валар — его промах! И даже неважно, каким будет исход, но теперь игра пойдет по моим правилам. Такой поворот событий просто не мог прийти ему на ум. Идя на жертвоприношение, я всего лишь давал согласие на проведение ритуала, а вот кто будет жертвой — решится сейчас, промелькнуло у меня в голове.

— Беру!!! — с ревом выдохнул я, позволяя наконец до предела скрученной внутри меня пружине распрявиться. Все свои силы, всю ярость — все я вложил в один-единственный удар острейшим лезвием Валару в горло!

Время для меня почти остановилось, все вокруг замерло, в тягучем, ставшем вдруг упругим воздухе двигалась только моя рука, метнувшаяся к пульсирующей на шее Валара артерии. Целиком поглощенный ритуалом Валар даже не успел отреагировать на мой бросок, в то время как каменное острие вошло ему в горло! Он еще только подносил руки к раненой шее, когда я, продолжая движение, оттолкнулся всем телом от земли и, ударив головой в лицо, навалился на него, опрокидывая навзничь. Однако надо отдать ему должное, сдаваться без боя Остроухий не собирался. Зажимая одной рукой рану на шее, растопыренными когтями другой он нанес удар, метя мне в голову. Я почти физически чувствовал, как утекают отпущенные для схватки мгновения. Ввязываясь в борьбу, очень

просто было упустить единственный шанс на победу. Опомившись, Валар покончит со мной немедленно. Блокировать его удар я не стал, а, пригнув голову, просто подставил под когти плечо — разбираться с травмами будем после, если повезет... Вцепившись когтями в мое плечо, Остроухий оторвал от горла другую руку и, опершись на нее, начал привставать мне навстречу. С ним надо заканчивать, еще чуть-чуть — и будет поздно. Двинув приподымающегося с земли Валара коленом в промежность так, что его выгнуло от боли, левой рукой я схватил его за волосы, с размаху ударяя головой о выступающий позади него острый камень. Что-то хрустнуло. А потом с силой опустил кулак другой руки на горло, сминая гортань и вбивая застрявший в ней осколок камня до самого хребта! Валар подо мной забился, из его рта и горла хлестала кровь, если это и был ихор — кровь богов, то по цвету он ничем не отличался от простой человеческой крови. Содрогающийся в конвульсиях Валар полосовал меня когтями, но это была уже агония. Хотя если она продлится еще какое-то время, он способен просто разодрать меня на куски. Продолжая колотить его башкой о камни, я, выбрав подходящий момент, напряг пальцы на правой руке и молниеносным движением ударил Остроухого в лицо, выбивая глаз. Его руки рефлекторно метнулись к пораженному месту, а я перехватил их и придавил всем весом, пытаясь не дать им снова вцепиться мне в тело.

Что подтолкнуло меня к последующему поступку, я не знаю до сих пор, хотя такой неистовой ненависти мне не приходилось испытывать никогда раньше. Возможно, причиной тому послужил рисунок церемонии, ведь я обещал взять его кровь, возможно, виновато боевое безумие, когда одержавший победу воин съедает горячую печень еще живого врага. А может быть, я просто использовал последнее оставшееся в моем распоряжении оружие. Скорее всего, все вместе...

По телу Валара пробегали судороги, он хрипел, однако жизнь не желала покидать его тело. Мне стоило гигантских усилий сдерживать его руки, лишая возможности творить волшебство. Говорить он уже не мог, но я инстинктивно чувствовал, что и взмах руки колдуна способен натворить немало дел. Любой человек на его месте был бы уже трупом: перерезанное, да вдобавок раздавленное горло, перебитый хребет, пробитая голова — но, видимо, Валару и этого было мало. От неимоверного напряжения все человеческое окончательно покинуло меня, оскалившись, я зубами вцепился ему в горло, рвя и терзая плоть.

— Беру кровь твою, Валар, забираю до капли! — в бешенстве хрипел я, захлебываясь потоком хлещущей из перерезанных артерий крови. Горячая соленая волна прокатилась по пищеводу и взорвалась в желудке вспышкой нестерпимого жара, мгновенно затопившего все тело до кончиков пальцев. В голове вспыхнул ослепительный свет, вымывая из сознания муть. Сравнить с чем-либо трудно. Ну-у... Возможно, хлопнутый залпом стакан спирта даст отдаленное представление... Право, не знаю.

И тут все кончилось. Тело Валара содрогнулось в последний раз и, наконец, обмякло. Я победил!!! Еще не веря в произошедшее, я сполз с трупа и обессилено откинулся на спину, приходя в себя. Потом, повернув голову, посмотрел на залитое кровью тело Валара, а его голова уставилась на меня пустой глазницей.

— Вот так, падаль! Глаз за глаз! — Я прикоснулся рукой к тройному рубцу, наискось пересекающему лоб и левую скулу. У меня, правда, глаз уцелел, но заслуги Валара в том не было. — Печать, говоришь, а как тебе моя роспись с росчерком по горлу? — все еще не отойдя от пережитого напряжения, прохрипел я.

Постепенно успокаиваясь, я отвел взгляд от трупа и посмотрел в ночное небо. Нет, закончилось еще не все! Надо мной, извиваясь, висел вызванный Валаром смерч, а его хобот рыскал из стороны в сторону, словно приносиваясь. Я замер, боясь пошевелиться: доверия этот объект не вызывал. Наконец, видимо, определившись с целью, хобот потянулся к телу Валара, на мгновение замер над ним, а затем бесшумно всосал в себя! На том месте, где только что лежал покойник, не осталось ровным счетом ничего, кроме голого камня! Для бестолково снующих под куполом лунной сферы молний это, похоже, послужило сигналом к действию: как по команде они метнулись ко мне, ударив в грудь! Да, пожалуй, это напоминало удар током, и меня основательно встряхнуло, ненадолго лишив сознания.

Очнувшись от кратковременного затмения, я сразу же осознал, а скорее, даже почувствовал: вот теперь точно все! Эта неприятная страница моей жизни закончилась, можно приниматься за следующую. Я лежал спиной на камне и смотрел в небо, в ушах снова в полную мощь грохотал водопад, а туча, скрывшая луну, погасила наконец охваченный великанскими пальцами фантастический радужный шар.

Я опять выжил, победил! А враги умылись кровью! Я вынес пытки, протянув время и усыпляя подозрения Валара, убедил его, что полностью сломлен. Дал согласие на жертвоприношение, но вывернул его наизнанку. А потом, дождавшись момента, того единственного мига, когда можно было нарушить ритуал, я его сломал, обернув слова Валара против него самого. У меня был только микроскопический шанс, тень шанса, но я сумел им воспользоваться в безнадежной, казалось, ситуации... и выиграл! Мысли в голове скакали и путались, но, несмотря на предельную усталость, все во мне пело и ликовало от ощущения победы!

Если верить Валару, получается, что путь домой мне в любом случае заказан. Но это мы еще посмотрим, были в его рассказе кое-какие подозрительные моменты. Осталось немало вопросов, на которые я бы хотел получить ответы. Хотя я еще плохо представляю, кому их задать. Но побарахтаемся...

Глава 4

Глава 4

Охотник — человек, отстаивающий свою любовь к природе с оружием в руках.

Неизвестный

Немного отлежавшись, я нехотя поднялся с каменного ложа и направился к водопаду — надо забрать в пещере свои вещи (в моем положении дорога любая мелочь) и отправиться на поиски людей. В этом мире они существуют, теперь мне это известно доподлинно, так что время терять незачем.

Ледяные струи водопада ударили по израненным плечам, пригибая к земле, и эйфория, накатившая на меня после боя, наконец схлынула. Грядущее уже не выглядело настолько безоблачным, как несколькими минутами раньше, и я задумался о суровой правде жизни. Все мое тело было покрыто кровотокающими ранами и ссадинами, часть из которых Валар нанес мне еще в пещере, остальные же я заработал во время схватки. Больше всего беспокоили рваные раны на плечах и груди, из которых все еще сочилась кровь, но тут сделать я мог немного. Промыв их водой, я решил больше об этом не беспокоиться, предоставив остальное организму. Все равно зашить, перевязать или дезинфицировать их совершенно нечем. К тому же на мне все заживает очень быстро, что в свое время приводило в изумление врачей, да и сепсиса бояться, пожалуй, не стоит. Валар, конечно, тварь когтистая, но вряд ли у него под

этими когтями оставались куски гнилого мяса, как у некоторых из тех хищников, с которыми мне приходилось пересекаться в жизни.

— Ерунда, моржи не болеют, пока не околеют, — подбодрил я себя.

Покончив таким образом с самолечением, я прошел в пещеру и, собрав валявшиеся там плетеную сумку, дубину и куски обсидиана, отправился обратно. Больше здесь делать было совершенно нечего, к тому же я хотел побыстрее покинуть это проклятое плато. Несколько удивило меня только одно обстоятельство: я и раньше неплохо видел в темноте, но сейчас в кромешном мраке пещеры ориентировался как при свете дня. На поверхности я списывал это на полнолуние и светлую ночь, но под землей такое объяснение не годилось. Однако сейчас ломать себе голову я не стал — оно и к лучшему, проще будет ползать по скалам, спускаясь с плато. Откладывать спуск в долину на утро, судя по всему, не стоит, слишком много неприятных вещей произошло со мной здесь.

Выбравшись из пещеры и переплыв озеро, я направился вниз по речке к тому месту, где оставил обломки обсидиана. Материал это ценный, неизвестно, отыщется ли что-то подобное в другом месте, так что стоит все прибрать про запас. Отыскав свое богатство, я сложил его в сумку, предварительно выкинув оттуда часть гольшей — таких можно набрать где угодно. Импровизированное рубило тоже не взял — лишняя тяжесть, и сделать его элементарно, подобными пользовались еще син-, палео- и прочие антропы.

Добравшись до конца плато, я подошел к краю обрыва и посмотрел вниз на скрывающуюся в пелене долину. Может, тут мне повезет больше. По крайней мере там наверняка водится какая-нибудь живность, и, следовательно, я буду одет, обут и сыт. Пристроив с помощью лозы палицу за спину и закрепив поудобнее сумку, я подошел к обрыву и полез вниз...

Сам по себе процесс спуска особой проблемы не составлял, за свою жизнь я вдоволь полазал по всякого рода скалам, как с альпинистской снарягой, так и без оной. Свободное соло меня привлекало даже больше, тем более что при моей профессии нужного снаряжения под рукой зачастую не оказывалось. И раненым ползать по горам тоже было не впервой. Однако сейчас я был весьма сильно покарябан Валаром и ослабел от потери крови, так что задача передо мной стояла непростая. Но отступить было нельзя. Я полз по стене вниз, выкинув из головы ненужные мысли и все же горько жалея о том, что не уродился гекконом. Сосредоточившись только на неровностях скальной поверхности и всецело положившись на силу пальцев, переставляя руки и ноги на автомате, без всякого участия сознания, я отыскивал в камне мельчайшие трещинки, медленно продвигаясь к цели. Мышцы сводило от напряжения, левое, наиболее пострадавшее в схватке плечо от каждого движения стегало болью, из открывшихся ран снова потекла кровь, но расслабляться я себе не позволял. Время для меня перестало существовать, моя жизнь теперь измерялась в количестве оставшихся до земли метров и имеющихся в запасе сил! Можно сказать, висела на кончиках пальцев.

Наконец ноги коснулись ровной поверхности. Отцепившись от стены, я рухнул на землю, переводя дыхание. Эта долбаная скала чуть меня не доконала, еще немного — и она доделала бы работу за Валара! Распластавшись на траве, я потихоньку приходил в себя. Расслабляться долго и качественно я позволить себе не мог. Если я хочу выжить, придется еще напрячься и отыскать для отдыха другое место.

Немного отдышавшись, я заставил себя подняться и осмотрелся по сторонам. А потом, отцепив на всякий случай со спины дубину и взяв в другую руку камень, отправился исследовать окрестности. Ограниченный отвесной стеной, с многочисленными каменными

осыпями, край долины был не лучшей площадкой для прогулки, но забираться сейчас в лес смысла не имело. Я был крайне измотан и нуждался в надежном укрытии, где удалось бы спокойно отлежаться, не опасаясь быть сожранным местным зверьем, а чего-то лучше пещеры или грота на данный момент измыслить было сложно.

Двигаясь вдоль скальной стенки, я выискивал подходящее убежище и настороженно сканировал обстановку, когда с громким хлопком крыльев прямо у меня из-под ног вспорхнула крупная птица. Мгновенно отреагировав, я швырнул камень, сбивший пернатую прямо на взлете. Быстро подхватив трепещущую добычу, я свернул ей шею и принялся ощипывать. Птица оказалась неизвестной мне породы, но вроде из отряда тетеревиных, что-то среднее между тетеревом и куропаткой, размером с хорошую курицу. Впрочем, проблемы ее классификации и идентификации меня сейчас волновали мало — хорошо, не ворона! Хотя сейчас я бы с удовольствием сожрал и ворону. Наскоро выпотрошив ощипанную тушку, я с жадностью накинудся на сырое мясо. Перенесший тяжелейшие испытания и большую потерю крови организм требовал немедленного восполнения сил.

Подходящую пещеру я обнаружил только под утро. Вероятно, раньше она служила логовом какому-то зверю. К этому моменту я был уже совершенно вымотан и еле держался на ногах, продолжая двигаться только усилием воли — укатали сивку крутые горки. Кроме того, у меня явственно подскочила температура, тело сотрясал озноб, бросая то в жар, то в холод. Как бы инфекция какая не завелась!

В дальнем углу небольшой пещерки в беспорядке были навалены сухие листья, ветки и хворост. Сами они сюда попасть не могли, так что, скорее всего, весь этот мусор сюда натащило неизвестное животное, устраивая себе уютное лежбище. Ну что ж, стодится такое убежище и мне. Утро было весьма прохладное, а тут какая-никакая защита от холода, что очень кстати, да и лежать мягче. Хоть сейчас и середина лета, но вокруг горы, и холодных ночей будет предостаточно, а я к тому же до сих пор гол как сокол... В известных пределах я умею регулировать температуру тела и при желании смогу повторить фокус тибетских лам: сидя на леднике, высушить на себе вымоченные в горном ручье простыни, — но проблемы это не решало. На длительный многодневный срок такая практика не рассчитана, да и внутренних ресурсов требует немало, а в моем потрепанном состоянии это непозволительная роскошь. Так что пойдем простым, не требующим лишних энергозатрат путем и с завтрашнего дня подумаем насчет одежды. А если сюда явится хозяин берлоги, то пусть пеняет на себя. В общем, будем решать проблемы по мере их поступления. Вот так.

— Наша постель — попона боевого коня, — хмыкнул я и полез устраиваться.

Разворошив кучу древесного мусора, я закопался в нее целиком.

— Нет, наша постель — нора лесного зверья! — поправил я себя, уже засыпая.

Проснулся от голода. Сон мой никто не потревожил, и я уже сильно об этом жалел. Попадись мне этот «кто-то» сейчас (кем бы он ни был!) — задавил бы голыми руками. И съел! Сожрал бы с костями и шкурой! Пожалуй, такого всепоглощающего приступа голода я до сих пор не испытывал. Никогда! Да я и не подозревал, что голод может быть настолько силен, хотя доводилось голодать по несколько недель! Челюсти сводило судорогой, а живот, казалось, прилип к позвоночнику.

Выбравшись из своей импровизированной постели, я вышел из пещеры на вольный воздух. Судя по солнцу, да и по моим внутренним часам тоже, спал я часов десять — день был в самом разгаре. Не самое лучшее время для охоты, но дожидаться сумерек не будем. Волка ноги кормят. Тут я обратил внимание на то, что больше не испытываю так

досаждавших мне вчера болезненных ощущений. Осмотрев свое тело, я обнаружил, что все раны, считай, исчезли, оставив после себя только неровные красные рубцы. Неглубокие царапины и вовсе пропали бесследно, о них едва напоминали белые полоски на загорелой коже. Неудивительно, что так хочется есть: мой организм за несколько часов проделал работу, на которую у обычного человека уходит по меньшей мере пара-тройка недель. На мне и раньше все заживало как на собаке, но не настолько же быстро! Подобные сюрпризы настораживали. Если прибавить к этому новоприобретенную способность видеть в полной темноте, получалось и вовсе интересно. Оставалось посмотреть, что последует дальше, какие еще новые фокусы выкинет разбушевавшийся организм? Утешало и даже радовало одно: новые возможности мне очень пригодятся, тут жаловаться грех, но откуда все это взялось? Собственно, несколько предположений у меня имелось. Все эти изменения могли быть последствием ритуала. А могли появиться и после перехода через контур, ведь никому не известно, как он влияет на человека. Однако не исключен вариант, что тут виновата кровушка Валара, которой я так неосторожно хлебнул. Как ни крути, однозначного ответа сейчас дать нельзя, потому следует отложить проблему до лучших дней и заняться другими, действительно жизненно важными вопросами. Не откладывая дела в долгий ящик, я наскоро собрался, благо не был перегружен вещами, и отправился на поиски зазевавшейся дичины.

Углубившись в чащу, я прошел около километра в сторону центра долины, а потом немного изменил направление и начал забирать левее, стараясь держаться против ветра. Маневр нехитрый, а шансов незаметно подобраться поближе к какому-нибудь неосторожному зверю все же побольше. Бесшумно скользя между деревьями, я внимательно сканировал окрестности, стараясь первым почувствовать присутствие дичи или по крайней мере моментально среагировать на любое подозрительное движение. Такая тактика, конечно, не слишком надежна, поскольку рассчитана на случай и большую плотность зверья. Но особого выбора у меня не было. Из метательного оружия я располагал только камнями, а уложить любого достаточно крупного зверя, просто швырнув в него бульжником, представлялось проблематичным. Оставалось попытаться подкрасться вплотную и ввязаться в рукопашную. В том случае, если животное окажется хитрее и обнаружит меня раньше, можно попробовать его догнать. На короткой дистанции я вполне на это способен. Тропить, скрадывать-выслеживать дичь, устанавливая ловушки или устраивать засады я не собирался — это дело не быстрое. Вызванный ускоренной регенерацией голод грыз меня с каждой минутой все сильнее, и если в ближайшее время его не утолить, то последствия могут быть самыми печальными. Я наверняка сильно ослабну, а этого в моей ситуации допускать никак нельзя — мало ли какие еще сюрпризы подкинет этот мир.

Лес вокруг сильно напоминал нашу дальневосточную тайгу. Деревья в основном хвойные: все больше ели, сосны да кедры; изредка попадались и обыкновенные березы. Не слишком густой подлесок, под ногами — мох, трава, папоротник, кусты брусники и черники. Пользуясь терминологией геоботаники: сосняк-брусничник, переходящий в ельник-хвощатник, — где-то так. Встречались и незнакомые породы деревьев, но уверенно сказать, что такие неизвестны на Земле, я не мог — все же не ботаник. В свободных от травы и растений местах земля пестрела следами. Это внушало надежду. В основном, конечно, натоптало мелкое зверье, но следы оленей и кабанов тоже встречались часто. Свежих отпечатков мне пока не попадалось, но это и понятно — утром зверь ушел на лежку и днем без особой нужды шляться не будет, а вот ближе к вечеру непременно потянется на кормежку. Давя ногами спелую чернику, я направлялся в сторону увиденного мной еще с

края плато озера. Может, подстерегу кого на водопое? Ягоды, в изобилии растущие вокруг, я собирать и не думал, толку с них ноль, а вот время потеряешь. Хотя иногда, пытаюсь обмануть голод, прямо на ходу нагибался и срывал по несколько штук, сразу же закидывая в рот.

На эту прогалину я выбрался уже в сумерках. К этому моменту спазмы в животе стали просто нестерпимыми, и я боялся, что его урчание распугает всю живность на километр в округе. Не собираясь выбираться на открытое пространство, я стал обходить поляну по окружности, когда заметил невдалеке движение. Мгновенно замерев, я впился глазами в промелькнувшие между деревьями силуэты. Семейство кабанов, наискось пересекая прогалину, торопилось куда-то по своим поросычьим делам. Я насчитал их девять штук. Впереди шел огромный кабан, за ним — свинья и пара подсвинков. Сзади трусили полосатые, уже немного подросшие поросята. Рот сразу наполнился слюной, а рука сама потянулась в сумку, нащупывая камень. Расстояние до стада было приличное, поэтому, как ни жалко, от мысли подбить камнем подсвинка стоило отказаться. На такой дистанции серьезно ему не повредишь. Я выбрал своей жертвой пару поросят, семенящих последними, и один за другим метнул два гольша. Бросок вышел удачным. Первый камень пришелся замыкающему свинтусу точно в голову, и тот, убитый наповал, без звука покотился по траве. По второму я тоже не промазал. Сбитый ударом, он забился на земле, оглашая окрестности истошным визгом. Не теряя времени, я выскочил на поляну и кинулся к добыче, нимало не заботясь об остатках улепетывающего семейства. Однако, к моему удивлению, место трагедии покинули не все — кабан остался. Обычно в таких случаях, если оставлена дорога к отступлению, звери стараются уйти. Но то земные звери, приученные опасаться вооруженного огнестрельным оружием охотника. Я забыл, что нахожусь в другом мире, и повадки животных здесь могут быть совершенно иными. Наглядным подтверждением чему служил стоявший напротив меня изготавившийся к атаке кабан. Кстати, дома такие со стадом не ходят. За те мгновения перед броском, что он подслеповато разглядывал противника, я тоже успел хорошо его рассмотреть. До сего момента я много раз встречался с кабанями, но такое животное видел впервые. Его размеры просто поражали. Домашних хряков, бывает, откармливают до гигантских объемов, но они становятся просто куском жира, а здесь одни сплошные мышцы. Чудище размером с быка и весом в полтонны! Такого зверя, наверное, и называли вепрем, если, конечно, такие вообще когда-нибудь водились на Земле. По крайней мере клыков такого размера я не встречал ни в музеях, ни среди трофеев знакомых охотников.

Ко всему прочему это был секач. Если кто не знает, секачом называют молодого кабана пяти-шести лет. В этом возрасте клыки его еще почти прямые и способны наносить страшные раны. Со временем клыки растут и загибаются назад, и хотя кабан может становиться еще больше и сильнее, он все-таки не так опасен. У моего зверя из нижней челюсти росли просто бивни, за которые любой любитель трофейной охоты наверняка продал был душу.

Мгновения, что мы оценивали друг друга, истекли, и вебрь ринулся в бой. Ухмыльнувшись, я поудобней перехватил в руке палицу. Атакующий кабан набрал скорость, опустив голову и целясь клыками мне в живот. Знакомая картина. Если бы у меня в руках была рогатина, я бы оставался на месте и принял бы на нее зверя, но моим оружием была палица, и это диктовало другие условия схватки. Дождавшись, пока кабан приблизится почти вплотную, я слегка отступил в сторону, уходя с траектории атаки, и взмахнул палицей,

опуская ее вниз и вправо так, что инерцией меня развернуло боком к нападающему зверю. Продолжив рукой движение, я круговым замахом вскинул набравшую скорость дубину над головой и, обхватив ее второй рукой, с силой обрушил оружие на шею проносащегося мимо вепря, в месте, где голова переходила в мускулистый загривок. Что-то хрустнуло, и в первый момент мне показалось, что сломалась палица. В этот удар я вложил силу, достаточную, чтобы свалить средних размеров дерево. Шея кабана не выдержала — его пригнуло к земле, и он кубарем, как подстреленный на бегу заяц, покатился по земле, ломая заросли. Расчет был правильный, я приложил дубиной в самое уязвимое место практически любого зверя, тут или шейные позвонки не выдержат, или проломится основание черепа, где кости слабее. Я перевел дыхание. Кончено! Если бы я не свалил его первым ударом, пришлось бы повозиться. В следующий раз переть на рожон он бы точно не стал и вполне мог достать меня клыками. Пришлось бы спастись на дереве.

После короткой, но напряженной схватки меня просто скрутило от голода, волной накатила противная слабость. Вытащив из сумки обсидиановый клинок, я подошел к подрагивающей туше и, одним движением перехватив горло, припал к ране, жадно глотая соленую кровь и мысленно усмехаясь — похоже, это входит в привычку. Напившись, я вспорол кабану брюхо, вырезал сердце, и немедленно съел прямо сырым. Потом, почувствовав себя гораздо лучше, отправился подбирать подбитых ранее поросят. Сначала я собирался сожрать одного из них прямо сырьем, но теперь решил, что недолго можно и потерпеть, чтобы попробовать состряпать горячий ужин.

Добыть огонь можно десятками способов, но все они требуют больших затрат времени и сил. Долго возиться мне совсем не улыбалось, поэтому я пошел по наиболее короткому пути, надеясь, что все выйдет, как надо. Еще по дороге в лесу я подобрал старое птичье гнездо — это отличный трут. Для моих целей больше подошла бы вата, но где ее тут возьмешь! Стоило попробовать с тем, что нашлось под рукой. Побродив вокруг поляны, я отыскал сухой березовый сук подходящего диаметра. Обломал его так, чтобы осталось сантиметров тридцать длины, и, удовлетворенный получившимся результатом, отправился обратно на поляну, подобрав по дороге подвернувшуюся корягу. Необходимые ингредиенты в наличии, и можно было приступать к работе. Используя кусочки обсидиана как клинья и осторожно постукивая по ним корягой, я расколол сук вдоль, получив два полешка с почти ровной поверхностью на сколе. Изделие следовало доработать. Пользуясь острыми осколками и шероховатым камнем, я принялся старательно строгать, скрести и тереть дерево, добиваясь ровной плоскости на обоих кусках. Хрупкие обсидиановые пластины часто ломались, но в конце концов я получил то, что хотел: два ровных, плотно прилегающих друг к другу куска дерева. Можно было приступать к следующему этапу — непосредственному разведению костра. Запасшись хворостом и сухими ветками, я подготовил растопку из бересты и оставшихся стружек. Затем из внутренней части птичьего гнезда скатал небольшой рулончик, добавив в него берестяных пленок, и вложил его между дощечками. Наступил самый ответственный момент: двигая дощечками вперед-назад, я принялся раскатывать между ними рулончик трута, постепенно увеличивая скорость движения и усиливая нажим. Через пару минут запахло паленым, отбросив дощечки, я выхватил потемневший рулончик и, разорвав пополам, помахал им в воздухе. Получилось! В месте разрыва теплился маленький уголек. Осторожно поднеся тлеющий трут к растопке, я дыхнул на него, раздувая искры, и увидел, как бересту лизнул крохотный язычок пламени. Растопка занялась, а через минуту костер пылал уже вовсю.

Разделавав одного из поросят и насадив на ветку, я приспособил его над огнем, поворачивая из стороны в сторону. Прожаривать его до готовности я не стал, а минут через двадцать, рассудив, что горячее не может быть сырым, снял его с огня и, впиваясь зубами в полусырое, истекающее соком и кровью, мясо, приступил к трапезе. Поросенка я съел целиком.

Некоторое время спустя, полулежа у костра, раздувшийся, как удав, я лениво обдумывал свои дальнейшие действия. Над чащей сгустилась ночь, чуть разгоняемая отблесками затухающего костра. Но темнота мне теперь не помеха, я и сейчас видел не хуже, чем днем, разве что в зеленоватом свете и куда-то пропали яркие краски. Примерно так выглядит окружающий мир в окуляр хорошего ночного прицела. Отправляться куда-то на ночь глядя с полным животом не очень хотелось, но и оставаться на поляне с кучей свежего мяса не стоило. Еще днем, пробираясь через чащобу, я не раз замечал характерные отпечатки волчьих и рысьих лап, кроме того, без сомнения, здесь водятся и другие хищники, готовые составить мне конкуренцию. Вопреки распространенному заблуждению, большинство крупных хищников не слишком боятся огня, а выяснять с ними отношения из-за добычи я сейчас был совершенно не расположен. В общем, надо возвращаться в облюбованную пещеру — так оно будет надежнее.

Вздыхнув, я поднялся с земли и принялся за неприятную, но необходимую работу. Ободрать тушу вепря с помощью обсидианового ножа непросто, но я справился — извозившись, правда, по уши. Шкура мне понадобится очень скоро. Потом тщательно вынул мозг и отделил сухожилия со спины и ног. Мясо такого чудища будет жестким как подошва, но мало ли что — сейчас не до изысков. Отрезав несколько приглянувшихся кусков, я сложил все это на шкуру и, бросив сверху оставшегося поросенка, тщательно завернул. Выбитые камнем кабаньи клыки положил в сумку. Вот вроде бы и все.

Взвалив сверток с добычей на плечо, я подхватил с земли палицу и двинулся по направлению к пещере. Поначалу идти было тяжеловато, но вскоре съеденное немного утряслось, и я зашагал бодрее.

Ветер сменился и снова дул в лицо, под ногами мягко пружинил мох, до цели оставалось рукой подать. Великан-лось поднялся из зарослей буквально в двух шагах от меня и, ломая кусты, прынул в сторону. Я находился с подветренной стороны, шел практически бесшумно, и чуткий зверь до последнего мгновения не подозревал об опасности. А может, он хрустел чем-то так, что за ушами пищало, и поэтому прозевал мое появление. Неважно...

Несмотря на то что эта встреча и для меня стала сюрпризом, терять время, стоя с открытым ртом, я не стал. Шкура с упакованной в нее добычей полетела в сторону, а я в три прыжка нагнал зверя и повис на нем, ухватив за рога с правой стороны головы. Нашаривать в сумке нож не было времени, да и особой необходимости. Лось взревел, мотая головой, и ударил копытом, пытаясь стряхнуть меня на землю и растоптать. Увернувшись от копыта, я навалился сильнее, что есть мочи выкручивая ему голову влево. Началось противостояние. Наконец, не выдержав напряжения, сохатый повалился на колени, мучительно выгибая шею. Вздувшиеся на ней жгуты мышц, казалось, готовы были лопнуть, уступая моему напору. Лось зашатался, собираясь повалиться на землю, но переводить борьбу в партер я не собирался. Внезапно ослабив нажим, я перехватил зверя за другой рог и, пользуясь им как рычагом, рванул голову животного в другую сторону. Усилия почти и не потребовалось, напряженные мышцы лося помогали мне сами. Завершая движение, я повернул голову зверя, и хруст позвонков неприятно отдался в ладонях, поверженный великан медленно завалился на бок.

Отпустив рога, я позволил ему упасть, а потом, достав нож, перерезал горло, спуская кровь.

Способ, которым я расправился с лосем, не был моим изобретением, так ломают шею быкам: скручивая голову сначала в одну сторону, а затем резко в другую. Правда, я никогда не слышал, чтобы так поступали с лосями или другими оленями. Хотя северных оленей похожим образом укладывают на землю для клеймения, но шею при этом, конечно, не ломают.

Напрягши свои полузабытые познания в палеонтологии и осмотрев убитого зверя, я с большой долей вероятности определил, что моей добычей стал ныне вымерший на Земле широколобый лось. Весил зверь, наверное, около тонны и почти на треть превосходил размером все встречавшиеся мне до этого экземпляры этих животных.

Дождавшись, когда туша немного остынет и с нее уберутся паразиты, я освежевал и разделал добычу, а затем в три захода перетащил ее в пещеру, благо оставалось недалеко — с полкилометра. Переложив мясо крапивой для сохранности, я сложил его в дальний угол, про запас.

Лосятину, особенно такую мускулистую, хорошо пускать исключительно на котлеты, ну да ничего — перебедем, зубы не сотрутся. Зато мясом я был обеспечен надолго. Теперь можно задуматься об изготовлении необходимой экипировки. Но все это завтра, утро вечера мудренее. Замочив кабанью и лосиную шкуры в ручье, протекавшем шагах в двадцати от моего убежища, я вернулся в пещеру и, зарывшись в сухие листья, начал готовиться ко сну.

После столь бурно проведенного дня можно было подвести итог: дичи здесь немерено и умереть с голоду мне не грозит. Надо только опасаться, чтобы кто-нибудь не пообедал и мной! Здесь обязательно должен водиться кто-то, стоящий на вершине пищевой цепочки. Хотелось, чтобы это оказался я, но такое везение вряд ли возможно.

Проснувшись, я сходил на ручей умыться и собрал дров, а потом озаботился костром. Дощечки и трут не подвели и на сей раз. Скоро в глубине пещеры пылал костер, а над ним доходил до готовности поросенок. Дым стелился по потолку и, ничуть мне не мешая, уходил наружу. А вот если бы огонь был разведен у входа, в пещерке было бы не продохнуть. Все бы ничего, но опять ужасно хотелось есть! Да что ж я за проглот такой?! Если так пойдет дальше, мне придется убивать все свободное время только на заботу о пропитании. «Убивать время или убивать все время? Интересно. Ладно, оставим...» Раньше такие приступы голода меня не беспокоили, и я мог неделями существовать на очень скудном рационе или вовсе без оного, не теряя работоспособности. Оставалось надеяться, что всему виной ускоренная регенерация тканей и со временем все вернется на круги своя.

С такими приправами, как зверский голод и свежий воздух, мясо показалось мне удивительно вкусным, но вот соли не хватало. Позже об этом придется подумать серьезно — человеку соль просто необходима, и не только как вкусовая добавка. Травоядные животные отыскивают соль на солонцах, хищники получают ее с мясом и кровью жертв. Но не могу же я питаться кровью и сырым мясом — или могу? Я отнюдь не возражаю против сырого мяса, но у животных могут водиться паразиты, и мне совсем не улыбается подцепить каких-нибудь глистов. Все равно соль придется поискать...

Осмотрев на себе места, где раньше были раны, я отметил, что они исчезли совершенно, даже рубцы практически рассосались. Тело просто бурлило энергией, хотелось взять да взлететь. Давненько я не чувствовал себя настолько великолепно — скинул, казалось, лет двадцать, тянуло на подвиги! Слегка саднил только шрам на лице. Проведя по нему пальцами, я нащупал три глубоких борозды, наискось пересекающие лоб и левую щеку —

они-то пропадать и не собирались. Печать, однако! В памяти сами собой всплыли недавние события. В глубине души зародилось смутное предчувствие, что история с Валаром далеко не окончена и в покое меня не оставят. В то, что Валар действовал один и его исчезновения никто не заметит, верилось с трудом. Какой-никакой, а бог! Впрочем, кто его знает? Ну да будем решать проблемы по мере их поступления, а сейчас вернемся к первоочередным задачам.

Обгладывая косточки поросенка, я задумался о своих дальнейших планах. Раньше было просто некогда, а тут выдалось время разложить все по полочкам. Итак, если принимать на веру слова Валара, что вся эпопея с моим перемещением на Сид — его рук дело, тогда получается, контура больше не существует? Если же он сгустил краски, то все равно отыскать точку перехода будет очень и очень непросто! Нужно, конечно, попытаться, координаты мне известны, а приблизительно определить широту и долготу места, где нахожусь, худо-бедно сумею. Еще ночью сориентировавшись по звездам, я прикинул направление движения. Получалось на юго-запад. Но сердце вещует: не врал Валар. Однако выбора все равно нет — о географии Сида, что физической, что политической, мне ровным счетом ничего не известно. Так что любое другое направление подходит еще меньше, а тут есть хоть какая-то надежда. Ну а не получится отыскать контур, попробую найти людей (или кого-то на людей похожего) — участь Робинзона меня совершенно не устраивает. С этим все ясно, пойдём дальше...

Сейчас у нас середина лета, поэтому со сборами мешкать не стоит, путешествовать по горам глубокой осенью или тем паче зимой мне не улыбается. В то же время к дороге надо хорошо подготовиться, потом будет не до того. А из этого следует, что задержаться все же придется. Сейчас у меня нет почти ничего, а понадобятся хорошая крепкая одежда, надежное оружие... Да, черт возьми, много чего понадобится! Значит, придется все это как-то изваять в сжатые сроки! Так что приступаем немедленно и не сходя с места. Начну с одежды и оружия, в промежутках — все остальное, а вот благоустроить жильё смысла просто нет.

[Купить полную версию книги](#)